

Второй синдром Геракла

Корольков

Добро пожаловать в детство каким я хотел бы его прожить.

Второй синдром Геракла

Предисловие

*Геракл уходил в прошлое,
погружаясь в него все глубже и глубже
— и никакая сила уже не могла вернуть
его в день сегодняшний.
Он уходил душой туда,
где его еще не звали Гераклом,
где были живы отец. .
И стоило ли пытаться заманить
его в победоносное, знаменитое,
беспросветное «сейчас»?!
но «не здесь» и «не сейчас».*

«Герой должен быть один» Г.Л. Олди.

Солнечный летний день, август на закате. День рождения — странный праздник случился на прошлой неделе. Беготня по поводу футбольного чемпионата понемногу стихает, но коллеги ещё на нервах. Но это только всплеск и суета. Жизнь тусклее и обыденнее с каждым годом.

Уже лет тридцать не могу понять:

Куда подевались майские жуки;
фруктовое мороженое за семь копеек;
восторг летнего утра и вкус первой сосульки?

Газировка с сиропом из автомата за алтын и автобус за пятак уже далёкое прошлое.

Полеты во сне это детство Тепло от того что кто — то рядом улыбнулся, награда, а не жизненная необходимость.

Отчего земляничное мыло пахнет чем угодно, но только не земляникой?

Куда подевался мой мир?

В котором было будущее, а осталось только серенькое настоящее?

Я сам сделал его таким?

Или все было не так, а я просто все выдумал?

Или это для меня кто — то выдумал и устроил?

Или может быть это «Шоу Трумана» такое?

Но тут не сходится, Екатеринбург несколько великоват для таких игрищ. Или не для меня одного кино крутится?

Пресловутая матрица шалит? Как хочется все повернуть, вернуть, исправить, наладить.

Не себе, себя не жалко. Родителей вернуть, не так уж и много они успели. Война и разруха, какое уж тут счастливое детство. Да и молодость не шибко радостная вышла. Детям жизнь облегчить или наоборот сделать более интересной.

А вот тут, наверное, всё же наверстать упущенное именно мной. Шторка упала как в объективе древнего фотоаппарата.

Процесс

«Драматического писателя»

*должно судить по законам,
им самим над собою признанным.»*

А.С. Пушкин

Бам по голове тяжелым и скользким. Темно, просто темно, ночь и фонари не горят. Их с десяток на меня одного. С цепями, фторопластовыми дубинками. Пришлось конечно повертеться и попрыгать. Нет, жена с подружкой за спиной не пострадали, хотя убежать и не торопились. Нормально справился, сотряс, лопнувшая кожа на черепе и синяк в пол — лица на месяц — мелочи. Приколол хирург, «шей тут тебя, а там концерт «Машины времени»

— Фанатеем? — поддеваю врача.

— Возраст не тот, — отбивается медикус.

Самому чуть за тридцать, мне двадцать семь. Ну так языками зацепились. Про «Машину времени», концерт как раз по телеку шёл. Про армию, хотя он и не служил. Так всё быстренько получилось и аккуратно, рука лёгкая оказалась.

Только начал на позитив настраиваться. И тут меня втягивает в тоннель. По стенкам бегут сцены моей жизни. Вот так оно и пролетает перед глазами?

Что делать? Кто виноват? Все? Отлетаю? Или?

Пытаюсь нырнуть в картинку, но меня отбрасывает, соскальзываю дальше.

Приезжает скорая. Нитевидный пульс, слабое дыхание. Никаких реакций. Безвольное тело кладут на носилки, сирена. Благо больница недалеко. Пульса нет, снова тербят и делают искусственное дыхание. Ныряю в стенку тоннеля. Здесь старшие балбесы заманили в карьер. Выскакиваю из воды, отплеываюсь, уроды. Плыву к дальнему берегу, выползаю на сушу и понимаю, что тогда плавать не умел, но выплыл. Тяжело, как и тогда. Сознание уплыло. Снова засасывает тоннель. Лечу быстрее и понимаю, смоем как в унитаз. Или куда там в таких случаях.

Почему мы об этом не знаем? Не положено или не поставлено? Пытаюсь шутить или как?

Белые стены, белый свет, реанимация? Двое в белых халатах над моей тушкой. Да над моей, понимаю, вижу откуда — то сверху, сквозь стенку того же тоннеля, читал про такое. И улетаю все дальше к своему первому крику. Разряд, ещё. Ровно застучал моторчик. Но и всё, бессознанка не отключается.

Воннегут сказал бы: Такие дела.

Дуглас Адамс сказал бы: Без паники!

Покойный Дамблдор сказал: «Для высокоорганизованного разума смерть — это еще одно приключение».

Умирать только первый раз страшно сказал Коннор МакЛауд.

Снова влетаю в воду.

Разъяснения к предисловию

*Надо жить, и единственно это
надо делать в любви и надежде;
равнодушно вращает планета
кости всех, кто познал это прежде.*

И.Губерман

Согласно Пристли «все то, что мы, когда — то выдумали и описали, может существовать в реальности в каком — то далеком уголке Вселенной» Одна из разновидностей все того же субъективного идеализма.

Несколько лет назад сделал ход в не том направлении, сменил работу следом начались неполадки со здоровьем, пришлось сменить среду обитания с комфортной на выгодную. Возникло ощущение приближения белого зверька. Появился интерес к книгам про попадалово во всех смыслах. Охват пошёл широчайший от палеолита до Брежневского застоя. Читал, анализировал, делился своими выводами с интернетом. Подбивал теоретическую базу. Искал ходы и рецепты. Составил для себя список вариантов и потребные для их протекания планы. Осознал, что все планы и ожидания — ерунда. Никому нет нужды заботится обо мне ни тут, ни ТАМ.

Попасть в прошлое или параллельную реальность в своем теле — даже теоретически невероятно. Посему вещи — тлен. Знания, тут вопрос. Жаль методичек нет, только намеки и те дилетантские. Никто ведь не сходил в «ТУДА и КОГДА» и не вернулся, чтобы нам все описать. Все только теоретизирования и фантазии. Хотя может и ходили, да помалкивают, кто ж знает, как обернётся, да и основная масса Сталину советы дает, а с тех времен совсем мало народу в живых осталось, старость. Рояли они все больше в книжках, в реале бессмертных что — то не видать или тоже таятся, кто ж их любит, вечных?

Так что все упирается в способы хранения информации. Словарь Уэбстера определяет память как:

а) процесс воспроизведения или восстановления усвоенных и сохраненных в уме знаний, и представлений, особенно посредством механизмов ассоциативного мышления...

б) сумму усвоенной и сохраненной в сознании информации.

Что напрочь противоречит другим утверждениям типа:

Основная часть нейрофизиологической деятельности, определяющей работу памяти, происходит в гиппокампе, в височной доле каждого из полушарий. Если эта область повреждена на одной стороне мозга, процессы запоминания еще могут протекать, хотя и с некоторыми нарушениями. Но при двустороннем повреждении способность сознания к записи и хранению информации пропадает. А если вообще в другое тело переехать? Как оно?

Лет двадцать назад с корешем долго размышляли на темы сознания и иже с ним. Копий поломано, пива выпито — не счесть. И у Борьки вызрела мысль, что человеческое сознание или может быть душа это сложная комбинация электромагнитных и может быть еще каких полей. Такой почти организм живущий и развивающийся в симбиозе с телом. Форма тоже соответствует. Тут тебе и аура и чакры как разные слои операционной системы компа. Ядро и прочее вплоть до интерфейса. Вот только пользоваться всем этим немного кто умеет, да и те чаще думают, что умеют и только. А те, кто научился вроде махатм и бодхисатвкак — то не стремятся делиться с нами грешными, у них другой уровень бытия. Или у нас, основной массы человек другой, уровень доступа?

А научиться управлять этим хозяйством хочется до усрачки, это же наше всё и никак не контролируется. У меня характер такой что никакую аппаратуру использовать не могу если не понимаю, как она работает. С зеленых соплей старался во всем разобраться, по полочкам разложить, чтобы удобнее находить было. А тут ты сам живёшь и не знаешь, как устроен и что от себя самого дальше ждать. Или ждать совершенно бессмысленно?

Ну то ладно, доработаем. Но памятью пора заняться. Не то чтобы подводит и только

поминальником спастись не хочется просто объемом поддерживать. Ведь то что разом в оперативке лежит проще обрабатывать и анализировать. Если своп пошёл, то никакой работы уже не будет, сидишь, пялишься как дурак в монитор и мышку кругами гоняешь, ускоряя тупое железо. А у меня ведь не тупое и не железо. Биокомпьютер и не первой версии как дарвиноиды говорят. Хоть не верю я им ни разу, но штампы зараз не отринешь.

Тот, кто владеет инфой — владеет миром, по крайней мере своим внутренним миром. У нас ведь как, мы же микрокосмы — вселенные. Каждый из нас это микромир. Моя вселенная начинается с моего рождения. Те, кто появился раньше для нас такие и возникли. Дедушки и бабушки не были детьми. Даже земля не вращалась и звезды не горели. Кстати, зачем звезды, если я еще не смотрю в небо?

Не было меня и мира не было, всё что до того — мифы и легенды. А после меня и быть ничего не может, с тем пусть другие разбираются. А знать нужно многое, особенно про то как телом и сознанием управлять. И не только своим, но и соседскими. Жить то хоть как в социуме. Семья и то ячейка, а уж про общество и лапоть звенел, махина. Не вступишься или не оседлаешь и все — пиши письма. Хотя и маскироваться тоже выход. А посему учиться, учиться и учиться, вот только не коммунизму, тут и головокружение можно заработать. Вот физика с математикой полезнее, хотя это все и по ходу жизни добирать можно, главное полочки в памяти организовать, а еще лучше веточки фрактальные, они больше информации взять могут и в росте не ограничивают. Психологию вот наоборот лучше с собой прихватить, особенно прикладную, действенную. Многие методы очень даже полезны. А то вдруг оно ТАМ и не раскручено пока?

И взять есть где. Саентология, говорите — секта. Да хоть бы и так, но полезные вещи и там есть. Как говаривал один знакомый, а не важно какой говнюк сказал, лишь бы дело, а чешую нужно учиться отскребать чтобы не мешала. Или семейные расстановки. Работает все что по уму и с учетом. Попробовал разного и что — то в голове засело или в памяти? Или это пока одно и то же, а потом как?

Вот и думай, но что я все о себе и о себе? А о других никак забывать нельзя. Тут тебе и НЛП, и гипноз и еще много всего разного. Так что работы непочатый край, только успевай. Да и работать надо и до пенсии далёко, да и много чего еще.

Согласно, некоторых теорий, человеческая память находится вне головы и тела человека. Якобы, существует некий банк информации всего человечества, его прошлого, настоящего и будущего. Ученые даже термин придумали — информационное поле Земли. Там же, как банковские ячейки, находится ячейка памяти отдельного человека, в которой накапливается вся информация, полученная человеком за прошедшую жизнь (может и будущую жизнь). Человек, в данном случае является приемником с антенной, связанный со своей ячейкой и общим банком данных. У кого возможности этой «антенны» шире, тот имеет возможность получать более широкие знания и становится ученым, гением. Люди, развивающие возможности своей антенны, становятся учеными, как спортсмены тренируют свои мышцы, и становятся чемпионами. Гении получают более развитую «антенну» от рождения. У кого «антенна» настроена по — другому, может получать знания о будущем, и становится предсказателем, экстрасенсом. А есть люди рядом с каждым из нас, с примитивной «антенной». Всю их жизнь можно описать в нескольких словах — родился, ел, спал, срал и умер.

Эта теория подтверждается отдельными случаями с людьми, известных в узких кругах специалистов. Человек, переживший клиническую смерть, побывав в аварии, испытав удар

тока или молнии начинал помнить прошлое других людей, иногда давно умерших, разговаривать на других языках, в т. ч. мертвых, получить другие знания, которые никак не мог получить в своей жизни. Это можно объяснить сбоем или перенастройкой «антенны» человека. Мышечную память тоже можно объяснить этой теорией. Вот только слабо это проработано. Нет точных рекомендаций как улучшить доступ или расширить канал связи. Хотя и с детищами рук человеческих не всё просто. Насоздавали компьютеров, сетей, а используем их малоэффективно. Да прогресса в этой области уже практически нет. По инерции ползет. Вширь и вкось разрастается. Новых идей кот наплакал. А всё почему?

Зарубили разработки, отклоняющиеся от «магистрального развития» Догнать и перегнать хотелось. И выплеснули дитя с мутной водицей бестолковостей. Нет бы искать в потоках сознаний светлые струйки и черпать из них идеи и вдохновение. Даже детское творчество сначала держали. Юным техником и Моделист — конструктором поднимали. Но забросили, задушили идеологией, призраками капитализма запугали.

Спасибо товарищу Суслову за наше октябрятско — пионерское детство. Нет бы поинтереснее что придумать для подрастающего поколения. Дети строим ходить не любят и постоянно под одну линейку не равняются.

День первый

Я отлично умею плавать,
но на собственном опыте
знаю, каково это — тонуть.

© Джинн Райан «Харизма»

Было. Помню. Мне здесь почти два.

Тогда чудом откачали. Конюшня заводская на берегу. Старый ветеринар — лошажник вышел засмолить самокрутку. Вот он богатым фронтовым опытом меня и вытащил. Буквально встряхнул обратно в жизнь.

Но сейчас то я знаю, что делать. Сил правда не особо много, ходить надолго не хватает, но на воде удержаться, да запросто. Я же сама вода еще, лягушонок почти. Мама спокойно полощет бельё, ей и не ума, что я уже в пруд скувырнулся. Плыву брассиком, балдею. Водичка классная, держит как морская. Но хорошего поманеньку. Вплываю на мостки и тут меня цепляют под мышки и вытаскивают из воды.

— Ну что «карасик» сбультыхнулся? — улыбается мама.

— Ага, купался, — отфыркиваюсь и отплёвываюсь.

— И сразу два новых слова или не два? — удивляется самая любимая женщина в моей жизни.

— Два, — мне скрывать нечего.

— А вот и третье, а еще? — Радуетя мама и тормозит меня.

— Есть хочу, — сообщаю главное.

— Притомился значит? — вздыхает мама. И до дому не подождёшь?

— Неа, хочу, — тут и кишки подтверждающе заурчали.

Нет ничего вкуснее и сытнее мамкиного молока, хотя меня уже пытаются отлучить, но держусь за титьку всеми силами, которых от того только прибывает. Но тут никто не откажет пострадавшему, своя кровиночка. Ну и не буду страдать ни больше ни меньше, совсем. Буду жить и радоваться.

Мама, она сейчас моложе моей (моей???) дочери. Вот казус. Пересчитываю в уме кому сейчас сколько лет. Там в той жизни поленился бы, калькулятором пощёлкал, да хоть и в смартфоне. Я же её уже почти и не помнил такой, фотографии не в счёт. Да и мало их, фоток, нужно будет озаботиться, навестать, а там и кинокамеру бы завести. Уж очень это забавное дело смотреть старинные снимки и снятки.

Она ушла в 1996 м, залеченный рак. Слишком поздно спохватилась, сходила к какому-то знахарю. Сама ведь кое-что понимала, но к врачам не обращалась, а потом долго и тяжело лечилась. Химиотерапия и прочее, но. Теперь этого не будет ни за что, иначе зачем я тут? Меня охватывает дрёма. Сон, просто сон. Вижу далеко, пятьдесят два года спустя отвозят меня совсем взрослого в палату интенсивной терапии. Пульс есть, дыхание нормальное, вот только сознания никакого. Здесь оно сознание в шестьдесят пятом, спит под кустом, надудонившись до отрыжки.

Белье выполоскано, растрясено, ждет в корзинке. А вот я и еду уже у мамы на руках.

— Папка. Обедать? — кричу как ребёнок. А кто же я теперь.

— Сегодня из тебя так и сыплется, герой! — радуется отец.

— Купался, — важничаю. Умею, да.

— Сам научился? — удивляются родители.

— Лягух смотрел, так же плыл.

Думаете триндежь? Что такая мелочь так тараторит? А вот и правда, я месяцев с восьми разговариваю и слушаю все что вокруг и смотрю внимательно. И сестра потом так же рано говорить начала, да и дети мои до года разговаривали уже во всю. Эка «мои дети», еще бы вслух сказал карапуз. Опять юмор? Живу значит, не тупо существую. Да еще и помню прошлую жизнь. Хотя говорят это крещением отрезает, а обрезанием — железно, прямо по слову самому. Читал у кого — то что все дети до крещения помнят прошлую жизнь, а потом чик и начинаем новый круг. Но я то подселился после крещения тела, хотя и крещение смутно помню. Так что это вроде и не забота? Хорошо, что важных воспоминаний в этой жизни еще не так много накопилось и все они именно на уровне тела и только положительные. Не было у меня разочарований с рождения и до этого случая. Хотя рождение то ещё приключение. Вот и надо чтобы их и дальше поменьше было. Над этим и стоит поработать.

Главные мои игрушки — книги. Руководство от отцовского трактора, электротехнический справочник и математическая энциклопедия. В последней правда буквы очень маленькие, зато в первой одни картинки, и я их все уже знаю и что там к чему мне отец рассказывает. Четырехтактный дизель в полтора года понять, да как два пальца. Тем более и учитель знающий. Не пил бы еще. А так он в техникуме машиностроительном на заочном учится. В прошлой жизни не знал конечно, вернее осознал только к диплому. Это теперь я такой эрудированный.

Не, я из книжек конечно строю и всякие детские свои штуки. Но этого уже мало. Папка начал мне кубики деревянные подтаскивать. Как зайдёт в столярку, наровняет обрезков, ошкурит, чтобы дите не занозилось. Их у меня со временем кубометр набрался. Но и сейчас уже коробка из— под отцовых парадных ботинок почти полна, мне не поднять.

Вот мы и дома. Отец обедает и меня посадили. Так-то я один и не ел никогда, только за компанию. Ну сиська не в счет, это святое. Картоха как раз в чугушке упрела. Отцу с селедочкой, а мне намяли с молоком и ложку вручили — чайную ясное дело с другой мне и не управится пока.

— Мать, закусь то хороша, может стопочку нальёшь? — папанька клинышки начинает подбивать.

— В рабочее то время? — отбривает мама. А пошлют куда и все — права тю-тю? Слесарить пойдешь? А кто семью кормить будет? Картошки надолго не хватит.

— Да шучу, шучу, Шур, не заводись, — тормозит отец. Да и жара, разморит, какая работа. Директор вон сказал, что новую улицу закладывать будем, в субботу под фундаменты копать буду. В первый дом, как молодая семья въедем.

— Ну дом то не дадут, — Вздыхает хозяйка, хотя и половинка всяко лучше.

Да пока мы с бабушками в бараке проживаем. Отцова мать в первой комнате, материна в крайней, у переборки, а мы, напротив. В гости ходить мне и одному разрешают. Всех делов, по коридору, даже на улицу выходить не надо. Вот провожу отца и к бабушке за сказками. Самые козырные про Илью Муромца, земляк как ни как, от Скрипино до Муромца близенько. Хотя одно время кукурузник рейсовый летал. Классно, это вам не Газель — маршрутка, целый самолёт, хотя смысл тот же, но трясет меньше и дороги не важны. Но мы теперь Лакинские, как дед Ваганов в бега от войны подался, так и бабе Насте с дочерью пришлось с малой родины переезжать. Хозяйство не великое и то свекровкино. А мир

пришёл, так и прижились. Теперь коренные уже не дразнятся. Война хоть и не дошла до наших краев, сблизила всех, стёрла мелкие задиры. Опять же сто первый километр сыграл.

День первый. Ночь.

С помощью подсказок (ваших чувств или мыслей) очень легко пробудить различные воспоминания — как о недавнем, так и о далеком прошлом.

Вот почему так важно во время записи информации оставлять подсказки, которые впоследствии облегчат проявление следов памяти.

«Искусство помнить и забывать» Лапп Даниэль

Проснулся ни с того ни с сего. Темно, всё хорошо, кипешиться ни к чему, вот только мысли одолевают, не по децки, потому как похоже сознание довлеет над бытием. Все мы жили при коммунизме, у каждого он был персональный. Вспомните детство, все по потребностям и ввиду наших малых способностей спрос был соответственный. Но с возрастом возможности наши росли, а потребности у каждого больше зависели от воспитания.

Дедушка Маркс в принципе прав, только нужных уточнений не сделал, а зря не совершали бы люди множество жестоких ошибок. Впрочем, многие рады были сделать счастливыми всех не зависимо от желания. Наверное личный коммунизм продолжался у них дольше необходимого. Как ни странно, но за коммунизмом следует социализм. Нас втягивают в социум подобных. Требовать начинают больше, а вот с потребностями начинаются сбои. Если самореализация важнее материальных ништяков, то личность развивается и раскрывается. В противоположном же направлении происходит возвращение индивида, приспособленного к потреблению и ничего не желающего делать для других.

Это индивидуальное, но сильные отклонения накладывают отпечаток. Мой коммунизм окончательно завершился, когда у меня появилась сестра и я пошел в школу. У кого коммунизм затянулся, как правило, становятся революционерами и сами не понимают, что же их на это подвигло. Да и действуют чаще всего чужими руками, да и мозгами. Билл Гейтс устроил «цифровую революцию» посредством разумных и развил на деньги нескольких поколений предков. Хотя легенды, которые Гейтс и семья создали гласят, что Билл такой недоучка, даже школу не закончил, а уже бизнес начал. Спрашивается, а кем станет миллиардер в третьем поколении? Сварщиком или на худой конец программистом? Не смешите мои тапочки. Сын тракториста и шпукатура, ставший электронщиком, программистом и далее, мне как — то понятнее, ну чего ж себя то обижать.

Да и Карл который Маркс жил на деньги отца Фридриха Энгельса, тоже в общем то ни разу не ангел и теория его интересно заточена, хотя истинные марксисты свершившие Великую Октябрьскую, не очень-то заморачивались и с другими делились, что их апологет породил и Адольфа Алоизыча с соратниками, поделившими мир по ранжиру. Вот потому легенды и мифы играют большую роль в нашей жизни. Одни их создают, а других ими кормят, чаще всего до того что из ушей лезет.

Наверное, уже и мне пора над легендой подумать. А как иначе? Тут ведь любой прокол чреват. Ляпнул не то и по врачам затаскают. Сделал пистолет из авторучки и на учет в детскую комнату. Так что и держаться и легендироваться, кровь из носу необходимо. Я и по первому разу выдумщик был, а теперь только немощ телесная сдерживает, а знания как

дрожжи кипеть мозги заставляют. И это на второй день новой жизни. Но это все вторично, цель нужна, без цели никакие средства не стоит и тратить.

Ведь как у попаданцев заведено, державу спасти, Брежневу, Андропову глаза открывать, а там большие дядьки прислушаются и устроят коммунизм во всем мире и указание яблони на Марсе сеять выдадут. И не смешно им самим, со своими комплексами, не сладивши такое людям на уши навешивать? А у многих еще и секс фантазии начинают переть, старческие неудовлетворённости лезут со всех сторон. А мне то уж и вовсе красота, даже письмо не написать, неграмотный еще ни разу. Не, так — то чисто теоретически три языка знаю, не считая посконного и нескольких языков программирования. Вот только попробовал бы кто в два года карандаш в лапу и строчить поэмы? О сюжет, и ведь даже не заподозрит никто? А что может и накропать чего? Полгода на страницу уйдет, если искривление пальцев и постоянные судороги не заработаю в куче с искривлением позвоночника.

У друга дочка в три года стихи с голоса запоминала на раз и рассказывала без запинки. Во время бабушка с дедом вмешались, месяц молоком на ночь и слабенькими травками обошлись, а то как знать, что бы с человечком стало. Да и сам в школе то «Лукоморье», то Бородино с одного прочтения запоминал. Э нет, что — то я по кругу пошёл, отставить. Лучше уж по-своему, по-деревенски, семейными делами займусь. Отец у меня за воротник за компанию всегда готов заложить, а голова у него светлая, не зря мы с сестренкой такие уродились. Да и руки к тому месту пришиты и трактор как игрушечка и приспособ всяких наделал, колыбельку хоть и железную мне замастрячил, вот в ней я сейчас лежу и размышляю. Хотя сестренке надо будет деревянную строить, ну да пять лет впереди успеем. Дядька опять же голова. Шестнадцать всего, а уже готовый электрик и тот еще радиолюбитель, чего ему провода крутить, он и поболее способен замозговать. У меня мама малярит— штукатурит, руки портит, красками дышит. А она через четырнадцать лет магазином заведовала. Почто время тратить, а главное здоровье. Хотя с ними как раз и не просто, родители как я без них и разница в фактическом возрасте вон какая. Женьку с Валькой уже пора окучивать, на них и тренироваться.

Ить сердце кровью обливалось, как эта бестолочь за алкаша вышла и жизнь через одно место вкривь пошла. А ведь задатки богатые, не говоря о внешности. Валю Юдашкина помните, а в женском облике, с тщательной прорисовкой образа, смоляные волосы до попы, картинка да и только. Вот и цель до мозга костей понятная. А пока я главный человек в семье, многое вокруг меня вертится, когда есть кому вертеться, бабушки хозяйством заняты, родители денежку зарабатывают. Пока лето, тетка — нянька за мной «приглядывает», хотя тот еще вопрос, кто за кем теперь смотреть будет.

Женька уже взрослый, паспорт получил, корочки электрика получит и мылится в училище в Москву, надо успевать, обрабатывать, мыслей подкидывать. А тело подводит, от разговоров устаю даже больше чем от беготни и детских шалостей. Тело активности требует, развивать просится надо. Хотя вроде проблем нет, да ведь и не хочется заморочек. Опять же вести себя надо естественно — соответственно, ладно баба Настя понимает и под общую линейку загнать не пытается. А вот другая бабушка хочет, чтобы не хуже, чем у других. Так что ребенком жить, не выпендриваться. Да и прикидываться не приходится, во-первых, интересно кругом, я это уже давно забыл и всего-то за день столько нового узнал. Опять же родители на работе скучают. Мама хоть в обед прибегает ненадолго проведать, и сама пообедает и нас с нянькой умоет, накормит. Хотя вроде не привередничаю, могу и один

посидеть, похмячить, энергозатраты большие главное еда в зоне доступности, да и не так много и надо карапузу. Не могу пока приноровиться, начну девчонкам показывать, как шалаш обустроить, увлекусь или засыпаю на пол шаге или в животе так заурчит, что мне наперебой вкуснятки скармливать начинают.

Зато с другой стороны сплошные радости. Слышу шепотки и птичье чириканье, а главное понимаю, различаю, переспрашивать не нужно. Запахи, полный восторг, аж в зобу спирает, как же душисто и замечательно. Сколько за прожитые полвека утеряно, смазано, как же этого не хватало во взрослой жизни.

День второй и третий

Как много всего упущено,
растрчено впустую времени,
сил и энергии...

Как много дел навсегда
останется не сделанными,
а слов — не сказанными.

А самое главное, людей
уже многих не вернуть.

Блиzkих людей...

Дальский А. «Побег в невозможное»

Солнце красит, трапам-пам. Чую меня сейчас младшей тётке снова подкинут. Тётя — одно название. Во второй класс пойдет, вот. Но за косы я её уже таскаю, не обижается. Куда ей деваться, лучше со мной поиграет, чем какую работу по дому справлять. Меня и на улицу вытащить можно, лето. Соберутся с подружками и айда в кустах с куклами играть. Я в основном тоже куклёнком подрабатываю. Но игрушечной едой меня не пичкают, я их уже давно построил. У Валюшки на такой случай сухарик припасен или яблоко.

Во, сбилось, потопали мы на улицу. Я сухарь и сам затихарил, а то мало ли что, растущий организм завсегда готов калорий принять, особо после приключений

— Мишка косолапый, — заводит тетка.

— По лесу идет, шишки собирает, песенки поёт, — подхватываю я.

— Вдруг упала шишка, — меня щелкают, — прямо мишке в лоб.

— Мишка рассердился и на шишку, топ, — звонко топаю по намытым полам.

— Ну что пинья, идем.

— Я запомнил «мишка» говорить сам могу, — строю тётку ибо хватит уже дразниться.

— Ага, Шурка тебя теперь лягухом будет звать или карасём, — не останавливается

Валя.

— Мамка всяк может звать, а ты только по имени, не велика птица — тетка, — ставлю точку.

— Ишь говорун, сам то от горшка полвершка, — хмыкает Валентина.

Вот так мы с ней всю жизнь и прошлую, и эту, наверное, тоже. Я рад. Да и вообще какие огорчения в два года? Да еще летом? Не помню, не было, а теперь и подавно не будет.

Радости полные штаны, вся жизнь впереди. Ура! И вот залезаем мы в тенистые джунгли акаций увитые всякими вьюнками. Трава мягкая, душистая. Солнышко в прорехи заглядывает. Запахи, непередаваемые. Краски обалденные, ну что вроде такого, кусты, трава, а как здорово то! Но всю жизнь прятаться не выйдет.

Хотя ни выдающихся физических кондиций, ни умения читать мысли, ни эйдетической памяти или знания пары десятков иностранных языков у меня не появилось. Ну а вдруг что прорежется? И ни слуха, ни голоса. Хотя Высоцкого и Пугачеву перепевать и так бы не стал, сами управятся. Мне и своих дел хватит, а деньги не всегда на пользу. Да и не та тема. Я даже старинные не собирал. Хотя всяко бывало и с деньгами так и без оных. Как в девяностые, когда за работу могли мылом или харчами рассчитаться. Дикие годы, но есть что вспомнить, да и применить не грех. Соответственно обстоятельствам конечно.

День третий

Я уже в принципе выпался. Конечно посидеть бы осмыслить ситуацию, план жизненный наметить, раньше то не было таких перспектив, не знал ничего. Или знал? Сейчас вот помню, что со мной дальше было, а вдруг все совсем по— другому пойдет и какой мне толк от этих знаний? Хотя от знаний польза всегда есть, главное их вовремя и по делу применять. Или пусть жизнь задачки подкидывает, а я буду стараться решать их лучше, чем в прошлый раз. Хотя пятеро у меня перед глазами. Мама, Папа и бабушка с тетей и дядей. Я— то знаю, что у них получалось, ну про отца уже ясно, но как вот это проверить? Еще сестра через пятилетку образуется, а вдруг раньше?

А что действительно я могу здесь предложить? Что могу посоветовать? И как, кстати, смогу убедить кого бы то ни было делать или не делать что — то в масштабе целой страны? Да и что именно делать? Начать экономические реформы? Разрешить частную собственность на средства производства по китайскому варианту? Ага. Так они и разбежались. Маркс с Энгельсом — по этим временам железобетонные аксиомы. Да и свернуть такую махину как «Руководящая и направляющая» не под силу многим аналогичным структурам. От сего дня сколько ещё простояла.

Как мне это все одолеть? Пока только словами, вот и задача — говорить правильно, что бы все понимали и кому надо, прислушивались. НЛП — хорошая штука, но никак она у меня не шла в том заходе. Но читал, буду вспоминать. Вот интересно как все произошло?

Как я старый уже в общем дядька очутился в собственном теле, но двухлетнего возраста? Соображаю вроде бы по— взрослому, телом владею как ребенок, а вот память как? Сохранится? Улучшится? Или забуду все к той самой матери через день — другой? А то разогнался планы строить и обломс? А вообще охота сверхчеловеком прикинуться.

Так-то мне их захароводить не трудно, опыта хватает, да и знаний побольше чем у бабушек, кстати с одной мы практически ровесники. Даже за тот день что я тут по новой обживаюсь много чего усмотрел, услышал. Главное слух в порядке, никаких тебе нейросенсорных тугоухостей. Вот теперь попытаюсь этих «радостей» избежать. Голос то у меня в порядке был, а вот со слухом уже в третьем классе непонятки начались. Подсказок у доски я напрочь не слышал и когда меня просили подсказать или списать тоже не реагировал. Мне в учебе не мешало, а вот одноклассники обижались.

Вспомнил, зимой было. Мне Женя валенки подогнал боольшу-ущие, выше колен. И так как я еще мелкий был меня в хоккее на ворота ставили. Я в голенища ещё картонки вставлял что бы синяков не было. Вот так раз и не заметил, как взмок и шарф размотался. Простудился в общем. Проболел долго, вот осложнение на уши и получил на долгие года. Вообще 1973 какой— то «урожайный» на неприятности выдался. Ну до того ещё семь верст до небес.

Вот баба Люба палисадник закрывает и на крылечко к товаркам поднимается, на лавочке перед обедом отдохнуть. Потом у них своя суета, обед разогреть. Скоро дети— внуки подтянутся. Другая тётя, Тамара — папина младшая сестра тоже обедать придет. Им тут всем близенько, хотя уже военка строится и ПМК переводят на новое место. Скоро и туда будут на работу бегать. Батяньку сегодня на дальний карьер отправили, с тормозком упылил и со смены может задержаться, чай шофера не звери, подвезут. Ну если сам на «рыбалку» не зарулит. Но в будни это пока редкость. Вот в пятницу, жди беды. Субботы то теперь не рабочие. Загудит, что тот трансформатор, только держись. Он хоть росту не великого и жилистый на это дело крепкий, да и головой работает, заведет какой дискус, так

и не замечает сколько раз граненым позвенел.

Как хорошо мы «плохо» жили
Всего лишь 30 лет назад,
Без вкуса мяса и тужили,
Но духом каждый был богат.

© **Василий Росов**

День рождения. Уже второй. Не помню, ни одного из «прошлой жизни» до седьмого. Вообще. Или их не отмечали или? Вот восьмой помню, посиделки были не великие, но подарок. Шикарный немецкий трактор на батарееке. Классический универсал без кабины. А то как скорости переключать и баранку крутить. Прозрачный мотор, рядная четвёрка, поршня ходили согласованно. Две скорости вперёд, одна назад. Фантастика, таких я больше не видел. Да и сейчас нет, наверное. Интересно где такие делали? Я ведь специально искал такой, сыну хотел показать. Но не нашёл, только гусеничный. Колесных типа «Беларуся» нет, и знатоки говорят не выпускался никогда. Настораживает, может? Нет об этом я подумаю завтра.

Ну это я отвлёкся. Притащили стол от БабНасти. Куренков нажарили, картоха, куда без неё. Женя музыку забацал. Вся семья в сборе. Бабушки, дядька, тётки, ну и мы конечно.

Дедов нет, папкин на фронте погиб, 17 июля 1941. Мамкин с войны тихарится, ну там вообще мексиканский сериал. Вот такая у нас семья и я. БабФиона с Колькой отрезанный ломоть, БабЗина, с ДедСтепой далеко живут, аж на Станции, я у них пока редко бываю.

Ну понятно взрослым по стопочке, Женьке, как и нам пока компот. С этим строго, хотя он уж попробовал разного. Но не пристрастился как его кореша, Лумумба и Ко.

А мне книжку — гармошку подарили. Картонную раскладную. Маяковского, «Что такое хорошо».

Наверное, можно уже и «читать научиться». Тут вон по куплету на страничку присутствует. Или подождать? Родители рады будут, Женя с Валею тем более, не буду их донимать книжками. А вот бабушки насторожатся, чего это вдруг? День авиации тоже не забыли. БаЛюба вспомнила что его с тридцать шестого отмечают, аккуратно отец мой родился. В общем семейное торжество. Хорошо, надо почаще затевать такие посиделки, можно и без выпивки.

Сижу, кручу книжку. Вдруг из-за спины, младшая тетка, — тычет в книжку пальчик.

— Про такого пишут тут, — продолжаю, — он хороший мальчик.

— Кроха сын, — это уже папка.

Лезу к нему и в тему:

— К отцу пришел и спросила кроха: Что такое хорошо, а что такое плохо?

Валя берет книжку:

— А давайте с начала. Кто вспомнит, тот и продолжает.

— Я, я первый! — и начинаю заново.

Про меня книжка и подарок. Уф, а ведь почти спалился. БабНастя вон как зыркает. Чем бы её отвлекли, мне то нельзя. Так и усугубить не долго. Сижу у отца на руках, башкой верчу. Радуюсь совместному действию. Молодец младшая тетка, тамадой будет. Ей в центре внимания нравится. Надо это развивать. В прошлой жизни, когда Женька, «Рекорд» чинил, она всегда новости «из телевизора» рассказывала.

Жаль стих короткий, но всем досталось что рассказать. Хорошо бы зимой это закрепить и развить. А то бабки мои контрились потом. То меня не могли поделить, то ещё что. То кошка какая пробежала между ними. Семье такое не на пользу. И где— то в этих радостных размышлениях я уснул. И что характерно проспал до утра. Там то в зрелом возрасте порой вообще через сутки спал. А тут аки младенец. Ну так я он и есть.

1965 19 августа

А на утро был банальный четверг. Все уже разбежались. Я в колыбельке просыпаюсь.

— Ну что, бабушка Настя за столом с моей первой книжкой, внучок — первачок, выспался?

— Хорошо вчера посидели, да баб?

— Ага, и выпили, и закусили, и морду никому не набили, соглашается бабушка.

— А должны были набить? — типа удивляюсь я.

— Папашка твой горазд за правду матку, когда её не по делу режут вступиться.

— Так все свои же и вместе книжку читали, или я чего не въехал?

— Вот то и хорошо, что свои и вместе, — вещает бабНастя.

— Почаще бы так, гуртом и батьку бить сподручнее, — вставляю свой пяточок.

— Экак заговорил, нахватался то где! — негодует бабушка.

— От Женькиных друганов чего не услышишь.

— Так они и матерятся уже во всю, — строжеет бабушка.

— Это я на мамке проверил, если не то слово скажу она поругает чуть, так не сильно. Понимает, что я всякого нахватуюсь. Учит меня.

— Ну а как мать она или кто, как ты думаешь, внучек?

— Мать и ты материна мать и Валька, и Женя, и папка, все учите, не по книжкам же мне, читать, когда ещё выучусь?

— А отцова мать? — гнет бровь бабушка.

— Ну она наставляет, поэтому больше проверять приходится.

— Ишь разборчивый.

— Ба, а ничего что мне два вчера стукнуло, а ты как с папкой беседуешь?

— Кто как заслуживает, такой и разговор, нешто я не понимаю или совсем уж за старую держишь?

— Ну ты что, баб, а Женя?

— Тут малость по-другому, сын всё-таки. Где пристрожу, где и надавлю, в воспитательных целях. Кодла у них шевбутная, как бы куда не влезли и наш за компанию.

— Да не должен, ба, не дурак ведь, малость наособицу уже и цель есть.

— Это да, учиться бы пошел, вздыхает бабНастя, мало уже восьмилетки.

— Не хочет дальше учиться, зарабатывать хочет, самостоятельности. Может зря ты его строишь, ба?

— Кабы знать. Он хоть и второй, а сын то единственный. Да и безотцовщина к тому же. Был бы Славка постарше глядишь был бы пример. Хотя какой там пример, одно расстройство, а не зять.

— Дак надо исправлять пока есть возможность, вздыхаю я надеюсь, что есть.

— Упёртый твой папашка. Даже мать не слушает.

— Может в том и дело, она с малства норовит его в своей воле держать, перегибает? Мадама она у нас уж больно волевая, а он противоречить не может, потому и выпивает, — двигаю следующий аргумент.

— Занять его надо, учиться пусть, как бы не бросил, — нагнетает бабушка.

— Я ему брошу, спать не буду, убедю. Или убежу, ба как правильно?

— Ладно, не майся, в школе все разъяснят, успеешь, внучок.

— Это еще пятилетку ждать. А говорить сейчас надо.

— А не рано? Учёные беседы заводить? Не мал золотничок?

— Да уж куда ждать? Сама видишь мамку на другую работу переводить надо, а папку с Женькой учить? А там и Валька подрастет и мне в школу лучше подготовленным идти.

— Эка разложил, распланировал, хоть сейчас в горсовет, — треплет бабушка меня по макушке.

— Так время не ждёт. Ба, посмотри в телевизор. Как всё меняется, сколько всего напридумывали, настроили. Так и вовсе побоку пролететь можно.

— Тебе-то куда торопиться?

— Мне то можно и погодить, а вот папке с Женей уже никак нельзя. Да и мамке бы поучится надо бы, пока молодая.

— Так пошто бабе ученость? Я так вот обошлась.

— Время другое, раньше то все не так было, да и не дело с цементом и красками и тяжело, и вредно это.

— Ишь, забота, меня уже обнимают и целуют.

Аж на слезу прошибло, это сколько лет прошло и снова. А и хорошо, что снова и все живы и всё хорошо.

Зима, сугробы пушистые, выше меня. Мы уже не в бараке живем, в одном коридоре, но опричь от бабушек, а в «отдельной» квартире. Домик разделен пополам и еще пополам. Но это я уже потом узнал на следующее лето, а зимой в сугробах мне еще не видать и окна все Мороз раскрасил уже давно. Праздники прошли, посты закончились. «Мороз и солнце» — куда уж ярче высказать.

Снаряженного шибко по — зимнему меня выставляют за порог. Снег искрит, хрустит под валенками. Иду на непонятные звуки. Не заблудиться — тоннели тропинки, как метро проложены. Заборчик, калитка приоткрыта. Из сарайки шум топоток какой-то. Это я только потом, по весне разглядел что там куры и утки и петух еще зловредный. Выходит отец в руках что то белое с красными растопырками. Чурочка у забора стоит, топорик к ней прислонен. На ресницах иней пока проморгался, глаза прочистил, только слышу «гык, гы гы, гык, хрясь». Шлепнулась утка безголовая в снег, крыльями хлопает, на ноги встает и бежит прямо на меня. Кровь хлещет, а шубейка новая никак нельзя испачкаться. Подхватываюсь и со всех ног к дому к маме. А тропка одна, утка за мной как по рельсам несется не свернуть. «Мама!» Взлетаю высоко, высоко. У мамы на руках никакие напасти не страшны. Меня потом сосед — детский врач на пенсии по кличке "Пилюлькин" всегда дразнил. Чуть что "Мама я запачкался". Я вот некоторые вещи вообще не переношу, а большинство людей их даже не замечает, считает обыденной рутиной. И наоборот тоже, то что мне просто и понятно многих пугает до усрачки. Жизнь то у всех разная и опыт, сын ошибок трудных по-всякому копится. Я стараюсь ничего мимо глаз и ушей не пропустить, всяко лыко в строку ввязать. Но тихарюсь пока. Чтение, письмо даже от себя скрывать стараюсь. Говорить тоже пока пытаюсь поменьше. Ну спрашиваю, но покорооче и то что никого не удивляет.

Жалею, что многого не замечал и не понимал. Толи считал неважным, а может просто ленился или увлекался какими-то игрушками. Кабы знать, что к чему приводит. Сейчас знаю, как вот только применить эти знания. И ждать нельзя, как теперь модно выражаться, "от слова совсем". Это в 2018 модно, а не в 1965 м.

Там меня многое раздражало, тупостью и недальновидностью. Ну неужели так трудно сопоставить факты, проанализировать, сложить 2 и 3. Школьная арифметика. А уж причину и следствие попутать, это правило.

Наверное, потому что кухонные политики закончились, а диванные эксперты они пожиже будут не могут до государственного уровня воспарить. Порой так и хочется спросить у этих теле-личностей, Вы сами такие умные или вам подсказал кто? И хочется подсказать, вот только кому и что? Шанс вроде есть. А есть ли смысл?

Попаданцы многие извращались, то Машерова двинут, то Романова. То Брежнева прибьют, то на пенсию отправят, а в результате? Недостаточно информации и выводы неправильные. А где её ту инфу возьмёшь? Особо как мне сейчас. И очевидцы так напойт, мама не горюй. Опять же, а вдруг это параллель? И Ильич тут пошустрее в политике?

А он тут генсек, я уже видел в телевизоре. Вот только всё ли тут как в моем прошлом — будущем? До того ещё дожить надо. А мне конкретному ребенку оно надь? Тешить себя надеждой что все будет в шоколаде, тот ещё маразм. А мне это по возрасту не положено. Далек до маразма, даже физиологически.

Погода подкачала. Меня подкинули дядьке.

— Задаром и прыщ не скочит, — втираю дядьке

— От мамки наслушался? — допытывается Женя.

— Не бабЛюба разъяснила.

— У неё не забалуешь, — потирает загривок мой собеседник, — строга.

— Мне можно, — улыбаюсь.

— Да ты хорошо устроился, внук — знатная должность.

— Намекаешь на использование служебных полномочий?

— Как ты сказал? Повторить сможешь? Я запишу. — Хватается за блокнот Женька.

— Только не говори, что это я, скажи, что в газете вычитал. Это я от отца нечаянно слышал, он потом ещё матерился. Наверно это тоже ругательное?

— Ну ты и жук, племяш. Не, не ругательство, газетное выражение, точно.

— Ты мне Жень лучше чертеж про радио покажи с этим с транзистором.

— А я тебе нарисую.

Сопим оба. Женька старается, вспоминает, я под руку лезу, пытаюсь рассмотреть. Ну такого счастья я ему пару томов нарисую.

— А «тр» это три да?

— Ну почти, — вздыхает Женя, добывая последние штрихи.

— Вот этот, кружочком и три черточки из него? — тычу пальцем в листок

— Он, а ты догада.

— Не не похож, а вот этот похож, — тащу резистор из коробки.

— Опять угадал, сопротивление это, резистор по-научному.

— Вон сколько знаешь, а института испугался, — нагнетаю потихоньку.

— Опять умничаешь, малышня? Говорю же осознаю, что не готов.

— Громоотвод взял? — подначиваю родича.

— Как, снова заливается дядька. Самоотвод это называется. А что ты сказал, правильное молниеотводом называть. Он молнию ловит и в землю сводит.

Головастый у меня дядька и за словом в карман не лезет, на лету схватывает. Будем стараться.

— Жень, а у тебя маленькая тетрадка есть? Ты будешь рассказывать, а я нарисую как понял.

— На вот блокнот и карандаш.

— Про сопротивление расскажи, оно ведь не просто так, не мешает, тоже полезное?

— Давай тогда с Азов начинать. Ток идет только если цепь замкнута.

Рисую тропинку огороженную, а по ней овечки — облачка бредут. А калитка закрыта и им не пройти на поле. Но этого мало, источник тока должен быть, и напряжения должно хватить чтобы ток в круг добежал. Пририсовываю загон, где овечек много и все гулять хотят.

А когда цепь замкнется, овечки и побегут, добавляет учитель.

Вместе рисуем другую картинку.

— Занятно и понятно, да? — радуюсь совместной работе.

— А теперь главный электрический закон. Закон Ома. Сила тока... и так по кругу.

Рисую как напряжение толкает ток, а сопротивление мешает, перекрывает дорогу.

— Нормально понимаешь, — хмыкает Женя.

— Жень, а если мы всё вот так с картинками расскажем, это и дошколята сообразят. И скорее поймут куда им учиться идти?

— Может и так, — чешет затылок дядька.

— А если в журнале или книжке напечатать, — нагнетаю я.

— Скажи еще как журнал "Кругозор" с пластинками, — фыркает Женька.

— Тут даже те, кто читать не умеет все узнают. — Радуюсь идее. — А про нас в газете напечатают и тебя в институт без экзаменов примут.

— Хватил, племяш, где мы, а где Кругозор.

— Полтораста километров до Москвы и почта работает. Напишешь письма в журналы. Картинки тоже вложим. Небось там разберутся. Радиолюбителей четырёхлеток не так и много.

— Так тебе три всего, — отсчитывает Женя.

— А я ещё ничего не умею и книжку мы не сочинили. Но за год должны управиться. Если постараться, еще и проверить все надо. Пацанов моих одноклассников окучить.

— Да, как академик Павлов на собаках все проверим.

— Эка ты про нас, недобро, дую губы на такую шутку.

— Не дуйся, шучу, — оправдывается дядька.

— Смотри, а то вдруг ребята не поймут.

— Не буду, одни Борзовы чего стоят.

— Ладно, шучу же и про Павлова не много дошкольников знают.

— Жень, а я тут по радио про книжку слышал, «Репортаж из XXI века» называется, в пятьдесят восьмом напечатали и с моим рождением снова перепечатали. Там учёные рассказывают, что будет, потом, когда ты старый будешь, а я взрослый.

— Ну да тебе тридцать семь стукнет, старше Славки будешь, а мне полста один, это помоложе мамки буду ещё, так что не старый.

— А спроси в библиотеке, вдруг интересно, а то мы тут транзисторы кумекаем, а их уж и не будет совсем? Тормошу родича.

— Будут, но усовершенствуют, обязательно, это брат шука серьёзная. Вон лампы уже сколько лет при деле.

— А мы прочитаем и уже учиться будем, нам же хоть как в следующем веке жить.

— Уболтал, поищу, а то можно и с областной заказать если у нас нет, я так справочники добываю и переписываю потом.

— А вот бы у каждого была нужная книга? — Вздыхаю я. — Совсем другое дело.

— Ну тут бумаги не напасёшься, и не все книги нужно дома держать, вон приключения какие прочитаешь и обратно в библиотеку, пусть и другие порадуются.

— А вдруг уже придумали, без бумаги, — продолжаю зудеть.

— Есть и без бумаги, на плёнку снимают, но там аппарат нужен навроде фильмоскопа. Но не очень удобно и глаза устают и днем плохо видно.

— Маленький бы фильмоскоп, что бы одному сказки смотреть и он бы ещё рассказывал тем, кто читать ещё не научился.

— Учись не ленись и сам читаешь. — Ставит точку дядя и принимается за очередную самоделку.

— Самокат, — дергаю отца за штанину.

— А пошли на рыбалку?

— Вода холодная, купаться нельзя, — отбрыкиваюсь упорно.

— Рыбку поймаем, — увлекает отец.

— Хочу самокат, вместе делать.

Я почему настырничаяю, они с соседом договорились и водка, и закусь по сумкам запрятаны, а оно мне надо? Мне отец нужен, трезвый и желательно мыслящий. А то понимаешь картоху выкопали, отдохнуть ему. Не нужен нам такой отдых. Тяну его в сарайку, там дощечки свежеструганные, фанерные обрезки, запахи, мне таких слов пока и выговорить сложно, язык заплетается.

— Ну всё, — сдаюсь, папка достает ножовку, топорик, рубанок, раскладывает все на самодельном верстаке.

Он у меня рукастый. Как же я любил эти посиделки, жаль, что в той жизни их мало было, но теперь то уж наверстаю.

— Так дощечка, так дощечка, два подшипника и кусок черенка.

— Не пра-виль-но, — насупился я и ногой притопнул.

— И что же вам товарищ главный конструктор не нравится?

— У Меленяков такой, гремит и по траве не едет.

— И?

— Идем рисовать, — выкатываю из крапивы два колеса от старой коляски, я их еще на прошлой неделе подобрал. Кладу на тропинку, прутиком подрисовываю раму, сиденье, руль.

— А поворачивать как? Или это все тусы придумали, товарищ конструктор?

— Можно наклоном, а можно на петле от двери, отвечаю.

— Не годится, смотри, прутик перехвачен, колеса переезжают в другое место. Вот основа, сзади две фанерки, держат ось и на ней заднее колесо, на них сверху дощечка — сидушка, болт восьмерку законтрим гайками и готова задняя ось. Спереди две накладки и такой же болт переднюю вилку держат, так лучше?

— Тряско будет, — сомневаюсь, — но лучше подшипников, да и усложнять. Пружинки, во.

— Как? — подхватывает папка.

— Как у моцика, на вилку.

— Как крепить? — озадачивает меня отец.

— Придумаем?

— Где взять?

— У Борзовых.

— Ну дуй, а я пока деревяшек напилю и крепеж подберу.

Лечу пулей, благо за угол не далеко, там мои кореша, Серега — ровесник и Борька погодок как раз в сарайке ковыряются.

— Привет, мужики, пружины надо, четыре штуки.

— Здоров, а чё взамен?

— На самокате погонять, как папанька сделает.

— Тю, вона у нас по самокату.

— Старье гремучее, — отмахиваю аргумент

— Но, разошелся, — набычился Борька.

— А спорим мой басче будет.

— А нет, так пружины вернешь и по пять щелбанов, — припечатывает Сергей.

— Идет, Борька разбивай.

— Вон под верстаком большая банка, бери.

— Лан, пока.

Хватаю железки и ходу.

— Шустро ты, а я уж думал все, загулял, — хмыкает отец.

— На что намекаем? — изогнутая бровь в ожидании. — Не дождетесь.

— Ладно, вот те дрель, сверли по разметке, а я с этим покумекаю.

Сосредоточенно пыхтим. До шуруповертов пока, как до луны и электрическая дрель дефицит. А с этой мне пока тяжело, но стараюсь.

— Эй, соседи, есть кто.

— Заходи, Люстрий, чего шумишь?

— Так на рыбалку вострились вроде, Слаавк?

— Не, извини сегодня планы у партии переменялись, вишь, научно — техническое творчество на повестке.

— Не пойдешь, стал быть? Красноречивый жест соседа у горла, что бы я не видел.

— Не, начали уже, не бросать же, сам понимаешь, будущее строим, строжеет отец.

Вот он вроде и зубоскалит, а ведь все правда, этим и заняты.

— Ну бывайте, у меня культурная программа намечена, — доносится из-за широкой спины приземистого мужичка.

— А что, не хочется? — повторяю я соседский щелчок.

— И не рано так вопросы ставить?

— Не, потом поздно будет даже сейчас поздно, — смотрю с вызовом.

— Не понял? Так да?

— Мозги от водки портятся, сильно.

— Нда и от кого слышу? От сына трёхлетка, дожил?

— Радуйся, что я у тебя такой есть, а то мамка только плачет, а бабки только матерятся.

— Ну теща то и отвесить может, рука у нее тяжелая, — потирая холку, — мать медведица.

— Ты давай не уходи с темы, не хочешь за воротник закинуть?

— Наверное, рукомастерить интереснее.

— А что бы сам хотел сделать?

— А трактор, универсальный с кучей навесок.

— А потом?

— И, тут бы до полочки дотянуть и то дело.

— А пить меньше надо и дурью не маяться.

— Умный, стал быть, сынуля?

— Стараюсь.

— Ну смотри, хата в принципе есть, пока хватит, вот только за нее, за свет, за воду платить надо? Надо. Печку не натопишься на готовку, да и жарко, электричество в копеечку влетит. Надо газ заводить, плиту, баллон и трубы проложить. Опять того баллона на сколько хватать будет? А это опять деньги, у меня 80, у мамки 60.

— Ну про мамку надо думать, в контору бы ей, восемь классов и светлая голова на дороге не валяются. Я то и с бабками перекантуюсь не больно много со мной возни.

— Слушай, ну как заговорил, я как не вспоминаю, сам таким не был.

— Ну так мы все разные, да я только с тобой так и говорю, ну может с Валькой еще.

— А что так разборчиво?

— А сам подумай, твоя то мамка как себя поведет?

— Да никак особо, ты у нас и так шустрый. А теща так и вовсе говорит «голый разум», сам слышал.

— Ух ты, а я и не в уме.

— Ну вот так что все равно не утаишься, на глазах ведь.

— Думать надо. А давай про трактор, я по радио слышал в Харькове Т— 25 на конвейер ставят. Может и у нас чего будет?

— А и что?

— А обработка металлов резанием значит не причем?

— И, гнет бровь отец?

— Еще год и диплом технаря в кармане, гну я.

— Да я вообще бросать думал, на кой леший этот диплом.

— Ему значит на сессию отпуск дают, оплачиваемый, а он кочевряжится. Ну ясен пень пять по сто запрокинул и счастье вот оно.

— Но, но разговорился, не рано права качать начал?

— А что я что ли семью кормить буду. Завел — содержи.

— Знал бы, вздыхает папка.

— А и знаю, не мамка и вовсе бы не просыхал, а главное и меня бы не было, а это мне уже совсем не нравится.

— Ну и что предлагаешь, молодая поросль?

— Так самокат пробовать, готов ведь.

— А и то, за разговором гляди и управились. Ну давай, испытывай.

Забор и всё. Весь участок свободен, так травка. Лечу до дома на всех парах.

Здорово, ору, радуюсь, скорость какая и главное сами придумали, САМИ сделали.

Мамка на крыльце смеется, механизаторы, обедать пора.

— Не я к Борзовым, щелбаны раздавать.

— Ну что, видали.

— Ух ты! Дай погонять.

— Только по кругу по двору.

— Жадина

— Испытываем же только, а если грохнешься, я-то от твоей мамки сбегу.

— Ладно, по два круга, пружины то наши, Серега в своем праве.

— Ну по-быстрому, меня уж обедать звали.

Сижу, смотрю, нравится, семейное дело зарождается, я еще и Вальку привлеку. Только краски у баЛюбы выцыганю.

— Мягко идет, но колеса надо менять.

— Нету пока других, найдем сделаем.

— Вещь машина.

— Мам, пап я тут

— Набегался?

— Па, надо подножку пошире делать, а то с горки не удобно.

— А тормоза? Труссы придумали?

— А как? Я не знаю.

— Идем обедать, потом придумаем.

А после обеда я уснул, мне же три года месяц назад исполнилось. Тело не тянет совсем, даже язык говорить устает, не привычный ещё

— Мать, надо бы тебе работу менять?

— Хорошо бы, вон Гавриловна, учётчица на пенсию собралась, в конторе то всяко полегче, а ты с чего вдруг, Слав?

— А это не я, это вон — чадо заботится, говорит с бабками буду сидеть, мужик я или как.

— Ну с конторой то и попроще будет, начальство на глазах, можно и отлучиться.

— Вот в понедельник с утра и пойдём.

— А на рыбалку?

— Какая рыбалка, нам еще технику совершенствовать, он же мне чего выдал, ты говорит зачем в техникуме учишься?

— Мать права, голый разум.

— Не то слово, шустрый, снабженцем будет, запчасти враз добыл.

— Не он все с Женькой за паяльник норовит подержатся. Давеча полдня монетки начищали, батарейку сделали. На ней приемник долго говорил.

— То — то он мне про радио талдычил, про новый трактор. Ты там разужнай, может на курсы куда? На бухгалтера или еще как? При фабрике то в районе бывают поди.

— Бывают, Слава, бывают на бухгалтера, на товароведа, а во Владимире и училище есть.

— И пошла бы?

— А чего ж, пошла бы, вот только малого куда.

— Не, дите должно в семье расти, это я тебе как безотцовщина говорю. Вот закончу техникум, так надо на тракторный пробиваться.

— И пить не будешь и по праздникам?

— Ну не знаю, озадачила. Знаешь, а могу, постараюсь.

— В выходные придется приложится.

— Чего придется то?

— Теть Зина звала в гости, Иван с Леной приедет. Вот со Степаном да Иваном и перекинь словечко.

— О чём?

— О заводе, о работе. Иван то в обкоме, поди заводских знает. Может и сейчас место есть? И трактористом, а может и в цех, не забыл еще как у станка стоять?

— Э. Э вы чего оба, два враз, насели, шустрики.

— Тридцатник скоро, чего ждать то. Уж устала я с тобой, с пьянчужками твоими. Жизнь то одна.

— А чего мы не успели? Жить есть где, голодом не пухнем, обустроиваемся помалу.

— И всё? Предел мечтаний? Так тут и доживать?

— От же взялись. Видела, что за дорогой деется? Разрыли, строят. Глядишь и там работа будет. На новом то месте всяко больше зарплаты должны быть.

— То, когда ещё будет, а дите вон уже, самокат осваивает.

— Про тракторный тоже лапоть звенел. Да и до диплома корпеть и корпеть.

— А попытать, подумать, тыква отсохнет?

— Ну теперь на всю неделю думать, ну что я Ивану скажу?

— А то и скажи, что в завод хочешь, что в техникуме не крайний, и диплом скоро начнешь чертить, а то и про трактора чего. Уж который год в мазуте ходишь, а толку?

— Не знаю я их трактор, у меня ж МТЗ.

— И чего? Колёсья у них квадратные или тарыхтят на спирту?

— Хватила, на спирту только где-то в южных америках говорят такое есть, потому как бензину — керосину у них нехватка. Да там поди работяги вовсе не просыхают, хотя если денатурат добавляют, так особо и не опохмелиться.

— Кто про что, эх.

— Так, закончили песню. Выходной, выпить есть, а я ни в одном глазу, потому как с сыном самокат строим. Вот сейчас главный заказчик проснется и продолжим.

— А пока крайнюю грядку вскопай, чтобы не расслабляться.

— Слушаюсь, товарищ главный агроном.

— Иди уж, всех повеличал.

— Ну так я тут один рабочий класс.

Хорошо пошел разговор, нравится мне, хорошие ж у меня родители. Как подумаю, что у меня дети таких лет, а я тут. Хотя с детьми вроде ладил, думаю и с родителями как ни будь договоримся, тем более мама уже готова, а вдвоем, точнее втроем то мы его просветим. Это Бабе Любе он сын, может и повожать малость, тёща дело другое, да и характер у нее потвёрже.

К баЗине я ходить люблю, хоть и далековато пока, на закорках сил много не надо, а скоро и на своем транспорте буду добираться. Сад у них большой, пруд за воротами. А главное у дед Стёпы мастерская, каких только хитровывернутых стамесочек — ковырялочек нет. Корова конечно тоже приключение, но я еще совсем маленький, меня туда не пустят, да и страшновато, у ей одна башка с меня размером.

Главное в саду — яблоки, правда уже только поздние, антоновку так просто не разгрызешь, но я уже умею. Обстукиваешь понемногу об забор, они мягкие становятся. Прокусываешь шкурку и высасываешь потихоньку, куда там тем сокам и всякой всячине двадцать первого века.

Ага, отцы выбрались.

— Ну что нагрызся зеленки?

— Витамины, вкусно.

— А в машине посидеть, пока Николай обедает?

— А можно? Я щас подушку притащу. Дядь Вань, а покажи где там как.

— Не ты пока сам, вот Коля придет все и покажет, это его епархия, я-то после козлика и не рулил, а то еще на фронте было. Мы пока вот со Славой покурим.

— А в телевизоре говорили курить вредно и про лошадь убивает.

— Сколько ему?

— Три с месяцем, он по прошлому году в пруд скovyрнулся и сам поплыл, а нынче какой самокат придумал, за ним вся улица бегаёт, покататься просит.

— Вундеркинд, — усмехается старший родич.

— Учить надо будет, а у нас то где. Вот бы на тракторный устроиться. В области то и школы другие, а то и в дом пионеров в кружок какой. Вишь как к технике тянется. Они с племяшом и в электричестве шарят, чего только не настроили.

— Так там трактористы не больно и нужны вроде, хотя и спрошу.

— Так я в цех хочу, токарем. И на сессию скоро, а там диплом, хоть и заушный, а всё техникум машиностроительный.

— Молодец, не ожидал.

— Да я еще с Урала думал, хотел там остаться, да что-то домой потянуло.

— и правильно, где родился, там и пригодился. А заводских поспрошаю, к праздникам как раз на исполкоме будут рапортовать. А и правда им же новый трактор с Харькова хотят передавать, будут значит и людей набирать.

— Ну что пострел, нравится?

— А то, вот только не поехать мне на такой красоте, или рули или педали дави, ручки, ножки короткие. Одно хорошо, что скорости на руле.

— Ну тут как сказать, на Победе мне больше нравилось, хотя тут диванчики по шире, а то другой раз пока командира ждёшь и покемарить можно.

— Да покемарить — дело хорошее, я уж понял.

— Соображаешь, кем быть хочешь?

— Да не знаю, всё охота и порулить и в космос слетать, только сперва в школу.

— И что в школу охота?

— Нынче то не возьмут, парты большие, я не дотянусь, да и устаю быстро.

— Дак лезай на зад и дрыхни.

— Не, Дядь Коля расскажи где тут что, на папкин Беларусь не похоже, да и поаккуратнее.

— Ну сравнил, это брат машина тонкая, но сильная. Заведем? Не страшно?

— Скажешь, я что дитё?

— Ну давай, крути ключ, я стартер давану, — усмехается шофер. — Пошла родимая.

— Живёт.

— Ишь ты понимаешь, ну давай прокатимся, пускай меня за руль, да лезай на колени, тут и видно все и баранку поддержишь, а уж я на педали жать буду.

Едем. Двадцать первая это что— то, особенно когда тебе три и тебя понимают, как равного.

— А еще кружок?

— Не устал еще?

— Сидеть— глядеть? Не.

— ну давай поболее круг закинем.

Что-то по-другому пошло, в том детстве мне на этой машинке только года через два удалось посидеть, а на руле висели мелкие родичи, да я уже к тому времени много всякой техники потрогал — посмотрел. Видать прав Коэльо, надо сделать шаг к цели, и вся вселенная начинает тебе помогать.

Подрулили к воротам, прыгаю на землю и к маме, на ручки.

Какая же она молодая, я же её практически и не помню такой.

— Накатался?

— Здорово, а у нас такая будет?

— Зачем?

— Папке на работу ездить.

— Так не переломится и пешком дойти, а когда и трактор с вечера у дома стоит.

— Не, я про другую работу, про большой завод.

— Не загадывай, поживем увидим, малышок.

И мы пошли за стол. Народу прилично, но будет намного больше, но попозже, не все ещё родились, Кокшаровы еще не ездят, это старшая двоюродная тетка, а младшая вроде и не замужем еще, про Валю и лапоть звенел, только в школу пошла, тоже пока на руках сидит.

Но все равно гомону много. О, новость, нас на Волге довезут, все равно по пути. Буду наше детище презентовать областному партначальству.

— Не ну ты скажи, мы то только обручи с бочек гоняли, а тут техника. Ну давай водитель, показывай.

Прыгаю в седло, дерматином вчера обшитое, толкаю землю назад и айда пошел, да в гору, на разворот и к дому на всех парах, ноги на подножках. Да как вжал тормоз и прямо у калитки встал.

— Ну орёл, ничего не скажешь, освоил технику. Но такое конечно серьезной комиссии не покажешь, надо поработать. Подогнать, отшкурить, чтобы без заноз и покрасить конечно, а то погодные условия разные бывают. Удивили родичи, слов нет. Хоть и игрушка, а подход серьёзный. Тут есть, о чем подумать. Так что принимайте задание на доработку, а недельки через две, нет, наверное, три, я к родителям снова подъеду и еще переговорим. Слышал, что план дадут на товары народного потребления, а заводы то всё больше серьёзные, не до того им. Хотя на Дегтярёвском мотоциклы начали выпускать. Вот и закину крючочек на

тракторный.

Помахали отъезжающим, а тут давай соседи подгрести. Тётки маму пытаются, мужики вокруг отца смолят, пацанва на самокат нацелилась. Рейтинг подрос, за забор зашкаливает. Ни к кому еще на Волгах не приезжали и до дому не развозили. Верх автотехники Почитаевский горбатый, ну и пьянь на Козлике в вытрезвитель доставляют.

— Олега, эт кто был? Раздается из кучки подростков.

— м\Мамкин брат двоюродный, запинаясь нарочи, мал я такие речи толкать, домой поехали во Владимир.

— А баранку крутил, Борзов младший подкатывает?

— Ясно дело, на коленках у шофера по двору кругов нарезали.

— Зыканско, а они еще приедут? Нас покатают, гомонят уже все.

— Неча им делать, дядь Ваня чай в области на службе, занятой работник.

— А тебя чё, можно?

— Так племяш, тебя ж Леха Рудик на мотороллере катает.

— Тю, тарахтелка, — обижается сосед справа.

— Ну у кого какая, — отвечаю.

— Зазнаешься теперь? — уточняет старший Борзов.

— С чего та? Они вон раз приехали, а там жди, выглядывай.

— И то да, ну дай прокатиться, — опять лезет Лёха.

— Такому-то бугаю железный надо и пружины с Восхода, не, свово папку проси сделает, а ты Вовка езжай, тихонько только, а давай все вместе побежим, подхватим если что. Вместе веселее.

Вова тоже тот еще затейник. Он в девятом классе аэросани смастерил. Ну до того ещё семь верст до небес и всё лесом. А пока самокатимся.

В шестидесятые годы, особенно в первой половине их, в жизни было больше места мечтаниям. Будущее вдохновляло, молодежь соответствовала эпохе — рвались в физику, стремились открывать. Взлет фантастики у них и у нас. Семидесятые годы оказались куда прагматичнее. Идеальный дух мало — помалу выветривался, в первые ряды, энергично работая локтями, пробивался потребитель, гешефтмахер. Очень быстро его господство утвердилось сверху донизу — он начал обвешиваться знаками престижа, купался в комфорте. Плеханов Сергей «Заблудившийся всадник».

Вот и хотелось бы эту линию завернуть. Творец должен быть замечен и окружён вниманием и заботой. Деляги нам не помогут построить светлое будущее, а вот продать его на корню, всегда пожалуйста. Что они неоднократно и проделали. Вначале подняли Хрущева, затем основали брежневский застой, а там и меченый с танцором подросли.

Человечество хочет жить так, как хочет. Одни привыкли, что у них все плохо, другие привыкли, что у них все хорошо. И тут лучше ничего не переделывать. Ибо сколько их не меняй всё вертается на круги своя. «...И род приходит, и род уходит, и заходит солнце, и восходит солнце, а Земля пребудет во веки веков... И все это суета сует и ловля ветра...» И в чем пытаться их убедить? В том, что они Люди? А им наплевать на это. Основная масса только слова такие если и знает, но смысл их не понимает.

Потому что нормальный здоровый человек должен сидеть спокойно. Сначала, конечно, заработать на жизнь, а потом сидеть и жрать. Ну и заботиться о своих ближних самых ближних — о родителях, о жене, о детях. И все. Таких людей большинство, подавляющее большинство. С этим ничего нельзя поделать. И не нужно. Только полные идиоты, решают вдруг переделывать мир. Сама идея изменения мира — это симптом болезни. Здоровому человеку подобные мысли в голову не приходят. Поэтому — то во все века мир и переделывали только сумасшедшие. Ну да не враз об этом.

Большинство людей на планете пока не замечают этого, но совсем скоро наступит время, когда смерть системы станет неизбежной. Просто для того, чтобы гибель коммунизма не стала гибелью всего человечества, нужно вовремя подтолкнуть весь процесс в правильную сторону. А ещё лучше расставить подпорки и якоря и наметить точки направленных взрывов, чтобы колосс КПСС рухнул, не сломав хребта государства. Чтобы и волки подуспокоились и не начали рвать страну с удвоенной силой и овечками нам прикинуться, чтобы зубы не повыбивали. А зубы в виде армии, флота и прочих органов нам всегда нужны. Нет у нас друзей, заклятые наши партнеры только и ждут, как бы урвать побольше. Оторвут, как без того. Не даром СССР на карте выглядит как схема разделки говяжьей туши. Бог с ними с хвостами и копытами, но рога и сердце сберечь надо.

Самокат мы вылизали покрасили и отполировали. Вишневый, как Ява, дядкина мечта. Сидушку Борзов батя отстрочил лучше Восходовской. Колеса— дутики скомбинировали из колясочных и велосипедных. Даже звонок приделали. Упаковали всё в большущий бумажный мешок.

Батя отгул взял, едем наше детище авторитетной комиссии представлять. Чертежи, схемы и испытатель в моем лице тоже имеется. Автобусом тридцать километров проехать, приключение. Львовский космолет не тороплив, идет плавно. Васильевку миновали. Это мне уже не новость. С Женькой на велике за щавелем гоняли летом. Ворша, тут у нас родичи по маминой линии живут, Женя с Валеркой на паяльнике задружились давно. На Судогду поворот. Тоже места приметные по будущему. Колокша ещё вполне себе река, не ручеек среди песчаных наносов. Вот и Юрьеvec, там в гору подняться и Владимир. Новостройки по правую сторону. А влево свернуть да проехать чутка, другое жилище там я в восьмидесятом квартировал на первых двух курсах. Пересаживаемся на троллейбус и к Заводу. Успеваем, дядя Ваня как раз подкатывает.

Для упрощения передвижения отец берет меня на руки. Я как чебурашка несу папку с документами и трубу ватмана. Входим в кабинет главного конструктора. Делаем вид что не знакомы с товарищем из обкома. Залезаю на стул и с чувством шлёпаю бумаги на стол. Серьезные дядьки начинают улыбаться. Пыхчу, развязываю тесемки. Достая раздатку, разношу по персонам. Подробное описание вручаю хозяину кабинета. Батя вешает эскиз и достает из мешка образец. Я с ужасно деловым видом делаю круг по кабинету и кивком передаю слово следующему докладчику. Четко по полочкам докладываем характеристики, себестоимость в зависимости от различной комплектации. Сроки освоения в производстве. Уточняем у специалистов спорные вопросы и вместе подсчитываем экономический эффект. Дядя Ваня ухмыляется в уголке. Заводские сидят с квадратными глазами.

Ну и вишенкой на торте эскизы ещё нескольких изделий. Палыч мой просит не фотографировать, мол это ещё патентовать нужно. После драматической паузы нас отправляют подождать в приемной. Гудят долго.

— ну парни, задали жару. Иван Степаныч выходит отдуваясь. У вас же готовый проект. Только технологию подровнять по месту и в производство. Над такими целые отделы работают. Уели заводских. Думаю они ещё долго пропыхтят, но деваться уже некуда. План установлен и сроки поджимают. Они думали протормозить как всегда, но не выйдет. А тут такие бравы хлопцы из глубинки, да с бриллианчиком.

Смотрю на отца, не нарадуюсь. Глаза блестят. Не смотря на медвежьих похлопывания родича по плечу что— то строчит в блокноте. И откуда что взялось. Успевают замечания фиксировать и ответы обдумывает, вон губами шевелит. Такая у него забавная манера думания. Отвлекаю нашего партфункционера. Пусть конструктор работает. Головастый он у меня и технически грамотный. А я кажется перегнул, дядька как— то странно мои политэкономические экзерсисы выслушивает. Пора закруглять, фух зовут комиссары производственные, насовещались.

Совсем другие вопросы задают. Очень технические. Батя отбивает на раз. Фехтует знаниями что твой Д'Артаньян шпагой. А как иначе. Он же диплом пишет, учебниками и справочниками засыпается. Отбился. Образование? Весной диплом, обработка металлов резанием.

Вот мы уже в бюро пропусков и выписывают нам большую, конкретную бумагу. И с этой бумагой наперевес я иду через проходную, на завод. Ладно, потом может расскажу про

экскурс, сейчас про главное.

Мы в отделе кадров у нас с отцом по листу бумаги. У меня карандаш, у него ручка. Я новый самокат рисую в виде мотороллера итальянского. Отец заявление пишет. Чертежником в отдел главного конструктора.

Да, дела. И вот таких нас усталых, но жутко довольных привозят на хату. Это тётя Лена так говорит. Она казачка с Кубани, очень выговор у неё занятный. Пока мужики перетирали важные вопросы за куревом на балконе, я барствовал за столом. Мне и подушечку на стул подкинули чтобы сидеть удобнее было. И снова я чуть не спалился, люблю хорошую рыбку, как распробовал очень захотелось хозяйке свой рецепт рассказать. Смог наступить на горло любимой песне. Хотя чуть не подавился. А тут и старшее поколение подтянулось, всё ещё обсуждают.

— Постой Степаныч, — перебивает отец. — Тут считать надо. Вот возьми наш самокат, материалы недороги и не много, работы чуть и всё можно механизировать. Только сборка ручная. А ценой поиграть и очень интересно выходит, но только при большом заводе. Если выделить, совсем другая картина будет.

— Ты как капиталист рассуждаешь, не по-коммунистически, отбивается Иван.

— Нет, по Марксу я рассуждаю. Мне политэкономия тоже сдавать, вот подковался. Чем квалифицированнее труд, тем выше прибавочная стоимость. Простые операции машина должна делать.

— Всё, закрываем совещание. Перекусить пора, командует хозяйка.

И мы посидели еще немножко и ещё, но всё так и не одолели. Домой мы на последней электричке ехали. Автобусы уже все ушли. И кабы не Волга с красивым номером и тут бы пролетели. А ночевать мы обещались дома. Образец и документы сдали на завод, поэтому папке меня на закорках нести не в напруг. Держусь, не сплю. Разговариваем.

— Па, ну как прошло? Что думаешь?

— Свалили полдела, сын. Обопнемся, осмотримся и дальше пойдем. Хозяйство есть кому оставить, барахла не нажили особо, метнемся в общагу, не хуже барака, не отвык ещё?

— Не, так мне, когда сидеть то. Бабушка то с нами не поедет. Мамка снова в контору? — уточняю тему.

— Ну так оно, пойдешь в коллектив, не по улицам же мотаться. Да и к школе готовится. Опять же кореша новые появятся.

— Ну так оно, город знамо дело веселее, — соглашаюсь.

Вот и свороток наш вот и дом, заждалась мама уже.

Погода портится, так и дома есть чем заняться. И кубиков больше стало. Книжки я и как гантели применяю. Отжиматься пока совсем не получается. Теоретически оно понятно, но в лучшем случае от стеночки и то раз пять не больше, ладно хоть подрост чуть, а то башка перевешивала, даже приседать напряжно. Хотя мне и так нагрузок хватает. Точнее хватаюсь за все подряд. Даже картоху помогал убирать в игрушечное ведро литра на два. Однако и оно полное тяжеловато. Ну тут торопиться некуда. А вот руки надо развивать. Моторику и точность движений. Я и в прошлый раз рисовать любил, а теперь вообще зудит. И запечатлеть всё что вижу и что — то из прошлого будущего показать. А главное люди.

Карандаш намного больше способен показать и сохранить чем фото. Та ещё волшебная палочка. Руку набиваю. Круги, прямоугольники, изометрию подтягиваю. Отец за диплом всерьез взялся, заодно и мне карандаши точит. Линейку у него стащу, чертить пытаюсь. Тоже работа, упыхиваюсь, солнце садится, и я в постель. Расту во сне, каждую минуту в дело. Подумать и днём времени достаточно. Опять с бабушкой словечком перекинуться, сказки послушать. Внук я или так, прогуляться выбежал?

Мама тоже сказок знает, но то к ночи, и ей передохнуть и со мной пообщаться. И пора уже стиральную машинку покупать, тоже время экономит. Хоть и говорила, что в конторе проще, да видать не очень. И сверх положенного сидит, благо я уже подрост и с бабушками нормально взаимодействую. Фух, вон какое слово огоревал, даже вслух проговорил. За год повторной жизни мои уже по привыкли. Большие глаза на мои выражовывания не делают и почти не спрашивают откуда мол дровишки? Благо народу есть, перекрестно отбреживаюсь.

Тут и новая радиола в строку и журнал «Кругозор» с пластинками. Я уже во всю диджею, даже Вальке не всегда разрешается, а мне можно. Дядька экзамен принял и добро дал. Батянька у нас меломан. Обменный фонд на костях держит. Ну это на старых рентгеновских снимках музыку пишут. В Собинке на рынке он постоянный клиент. Теперь на глаз распознает если тишина или туки — туки записаны. Раз погорел, так корешей подбил, даже Люстрий на стрелку ездил, барышника учить. Так что деньги не за воротник, а на музыку тратятся. Опять же в Кругозор и рассказы стали писать. Так что культура.

Женя сговаривает вкладчику телевизор купить. Он халтурит помалу. Радио, телевизоры чинит. Вот у клиента и хочет ломучий Рекорд сторговать. Чинить он его уже умеет. И отец не отстаёт. По мотоциклам пошёл. Что ИЖ 56, что тракторный пускач, разница не велика. А коробку передач перебрать и вовсе семечки. Что там в трехступке. Я и тому, и тому под руку лезу. Учусь, навыки и авторитет нарабатываю. Особо по радио. У меня и прибор свой есть. Два шупа, мегомный резистор и неонка. Ну про это мне не интересно. Вот лампы другой раз поменять сил не хватает, это да. Здоровые они, только двумя руками и могу выдернуть. Хорошо новые телеки все уже на пальчиковых. А неонка отец где — то раздобыл и теперь все окрестные электрики с пробниками Ваганов и Ко. Потому и телевизор можем позволить и младшей тетке велик и старшей новую помаду и чего там для красоты. Ну тут они с мамкой в доле. Мало родня, так и сдружились. Вот и тут изменения от той итерации. Ой чую список составлять пора. И задачи распределять, не стоит время терять. Время не ждёт, скоро съезд.

Буквы я уже огоревал, практически всё читается. Вот только спалиться боюсь. Или шифроваться как — то нужно. Но это точно подозрение вызовет.

Как-то всё завертелось. Жизнь скачками понеслась. Отца вместо двух недель в два дня с

кирпичного уволили. Потому как письмо из обкома с припиской от директора тракторного сыграло. Под расчет и премию получил. Всю, занят был полностью потому и не лишили ни разу. Бабки довольны, сын — зять при бабках, да ещё в область на работу поехал. Вернее, они с мамкой упылили, меня не взяли. Приехали довольные, аж светятся оба. Комнату в заводском общежитии дали и через месяц мама тоже на завод работать выходит. Вот и мы в область откочевываем. Это я так пацанам вещал. Почему так долго? Так не было больше волшебных писем. А главное, мне предстояло в детсад ходить. Блиин, мне вольному перцу в строй. Да ещё в таком раннем возрасте? о прошлом разе я только в школе на всю социализировался. Не, не представляю, с такой мыслицей надо переспать. А вы шо подумали, в три года и три месяца, всё так серьезно.

Получается, что и ладно стиралку не купили, куда бы с ней? Хотя и бабушке сгодилась бы. А так чемодан, рюкзак и сумка всё нажитое. Моё всё со мной, бабНастя мне котомку смастерила. Ну кубики конечно не взял, куда их.

Остановка, одно название, дрын а на нем фанерка с расписанием. Крышу ещё не скоро поставят. Дождь бусит мелкопакостно, временами твёрдым обращается. Хотя давно уже пора и снегу лечь. Ноябрь остатки подбирает. А нам весело, в новую жизнь едем. В мегаполис, хотя какое там, старинный город. Не такой пока и большой по меркам двадцать первого века. Всё — таки мне малость тревожно. Не ожидал что так резко перемены попрут. Хотя сам этот ком и столкнул. Опять же как там ближайшие родичи без племянникова пригляда. Очень я на них надежд возлагаю. Да и кое какие точки хочется по жизни пройти обязательно. Людей замечательных не пропустить. Много от них зависит, многие мне в прошлой итерации помогли. Опыт он сын ошибок трудных. Не стоит себе и другим жизнь усложнять. Или не стоит заморачиваться? Хороших людей всё равно больше.

— Эй, молодежь, — тормозит возле нас Москвичок, — не мокните, залезайте. Дрыгнулся Ваш автобус, почитай сразу за Собинским своротком.

— Да следующего дождемся, — отвечает отец.

— С дитем и поклажей? Два рейса в раз? Лезьте кому говорят.

А что, мы с понятием. Лезем. Пока вещи в багажник складываются я уже ноги оббиваю и на переднем пассажирском. Привычка из прошлой жизни. Вот и батя ловко под меня поднырнул.

— Ты, паря, тракторист смотрю.

— Чего так? — удивляется отец.

— А ботинки оскреб и сел грамотно, но не по-шоферски, загар опять же и малец с понятием, — поясняет водитель.

— Глазаст, сам то и по жизни шоферишь?

— Гоняем помалу, но далеко. Сейчас вот в отпуске, родичей навещал. Так-то я на тракторном приписан.

— Отоно чё, Михалыч, — встречаю в разговор.

— Ржут дядьки, — и я не отстаю.

— Чё, угадал? — дознается батя.

— В точку.

— Мать говорит, голый разум, — мамка вступает.

— Да, устами младенца. А давайте ещё посмеемся?

— Давайте, смех штука полезная.

— Ну тогда вы на тракторный едете? Да?

— Ну дядька Михалыч ты догада, — подначиваю слегка.

Снова все смеемся, а я и вовсе закатываюсь.

— Неуж правда? — удивляется Михалыч.

— Правда, правда, — хором родители отвечают.

— В общагу? — переспрашивает водитель.

— Ага.

— Ну тогда прямо к подъезду подкачу.

Как мы перезнакомились тут, и заправка нарисовалась на Ставровском своротке.

— Михалыч, места в баке сколько?

— да двадцатку возьму?

— А влезет? — переспрашиваю я.

— Сорок должно, — прикидывает Михалыч.

— Ладь пистоль, пойду талоны отоварю, — подхватывает отец.

— Как так, Славк?

— Обычно, а то у тебя не остаётся с рейса, и запаса не бывает?

— Когда как, на и мои двадцать, — подает талоны водитель

— Не пойдет, ты один, да ведёшь, а нас трое, да отдыхаем.

— Ладно уболтал, по головам поделимся, — смеётся, дядька.

Опять ухохатываемся, мою голову наравне оценили. Так весело и докатили. А там по объездной. По левой стороне частный сектор и по правой. К восьмидесятым город дорос и до дороги. Пятиэтажки панельные подобрались. На Содышке в город и въехали. Хорошо, весело жизнь поворачивает.

Много хороших людей в жизни. Это я уже во сне додумывал. Что характерно продрых я до утра, часов до девяти, а уснул и пяти с вечера не было.

Глаза открываю и тихо офигеваю. Ни разу не наш дом. Трам-пам-пам, мы же во Владимире. Всё-таки я ребенок. Хотя память и соображалка взрослая, но...

— Сутки спать собрался?

— Да мам, расту не по дням, как Гвидон.

А сам вспоминаю как на выпускной в десятом почти трое суток не спал, а пришел с гулянки и тридцать шесть часов как с куста.

— Не торопись, давай чаю попьем и с ребятами знакомится пойдём.

— На службу меня значит, чтобы как все?

Весело нам, радостно. Вот так и попал я в детсад номер восемнадцать на улице Школьной. А что вполне себе местечко. Улица тихая, тенистая, ну будет по весне. Это я по деревьям сужу.

— Здравствуйте, нам бы определиться.

— Давайте направление. Заводские, хорошо, у нас тут в основном заводские и по пути. Вы в цеху?

— Да в сборочном, нормировщица, а отец в конструкторском — чертёжник.

— А Николай Васильевич вам не родня?

— Нет, мы не местные, — поясняет мама.

— Ах ну да, общежитие же. Бумаги оформлены, идемте знакомиться.

А неплохо, для шестьдесят шестого года. Большая светлая комната. Места общего пользования как в шикарной казарме, только горшки наличествуют. Ну конечно шкафчик, полотенце, все дела синим шариком помеченные мне выделили. Пальтишко повесили,

сандалики обули. Умыться. Везунчик я однако, прямо на обед угодил. Вот только селедка. Ну оно ладно. Мама ушла. Пообещала не задерживаться. Да чего уж. Тихий час.

А вот потом. Первый день, да в новом коллективе, да в смешанном. Ну и что дети? Они между собой те ещё вопросы решают. Хоть и уровень свой, но страсти почище мексиканских сериалов пылают. Характер ведь у разумного человека рано проявляется, у кого и с рождения буквально. Вон мой младший ни в жизнь не согласится, пока не осознает, что к чему. Не заставишь ничего, пока не разъяснишь. Да и дочь давала прикурить, особенно по одежде и обуви. Вот чего бы понимала, а если не сочетается что так и не оденет. Колготы не в цвет платья или носки с босоножками не дружатся.

А тут таких индивидов два десятка и все с характерами. Но понятие и воспитание наличествуют. Как потом оказалось, родители все не из простых лягушек. И комсомольские активисты, и производственники, как на подбор. Карьера в это время детям не помеха, многие уже в институте семьи создают и детьми обзаводятся. А те, кто от сохи и от станка, после армии почти сразу. Это мой тракторист путешествовал долго.

Перезнакомились помалу. Ну я про них позже расскажу. Сегодня то мы с Вовкой схлестнулись с Терёшкиным. Интеллектуал и эрудит, вот не вру. Мне вообще на Владимиров везло и сейчас попёрло.

Вот мы и в Москве. Кутузовский проспект. Дома — пирамиды, машин за час проезжает, я за всю теперешнюю жизнь столько не видел. Ну если бы в электричке не уснул. Долго ехали, три часа с лишком, сказал отец, когда в метро спускались. Там покруче чем в кино. Ну потом может еще чего увижу.

Как они тут живут? Народу тьма. Ребятни куча, каникулы. Про машины, вообще жуть. Все больше Волги с Москвичами да газики — фургоны, диковин импортных тоже хватает. Опеля, Мерседесы, Хорьхи и прочие трофеи.

Вон внизу фургончик зеленый подъехал. Арбузы в ящиках вытаскивают, вдоль дома шофер с грузчиком выкладывают, столик, весы. Вот и магазинчик получился. Здорово, но мне выходить нельзя и ключа нет. Родители с утра ухмызнули, меня не взяли. Торговля не сильно шустро идёт, будни — взрослые на работе. В кладовой авоська нашлась и бечевки моток. Дело за денежкой. Считать я умею. Искать тоже. В ящике в прихожей рубль двадцать. На кухне в коробке со специями трёшка. Килограмм пять вытяну, как раз полтора рубля и верёвка сдюжит. Вкусный, однако арбуз.

В Детский мир идём. Даа, метро конечно вещь, но магазин, нет, МАГАЗИНИЩЕ. Помню, там в девяностые автосалон даже был. Тут детей только на первом этаже больше чем в Валькиной школе раза в два. В прошлом будущем это меня не так зацепило, не знал и не понимал многое.

У какой же сволочи что поднялось, такую красотищу разорить, столько детской радости развеять. Ну да мне пока думать про такое не получается. А может и не случится такого. А пока сплошной восторг и радости полные штаны.

Я уже знаю куда отца тащить, дорогу хорошо помню. Вот они богатства: инструмент, моторчики электрические, приборы разные. Тут тоже всё ясно, берем то что сами хорошо сделать не сможем. Опять же цены тут совсем не Владимирские. А лимит нам хозяйка, она же главбух — казначей ещё дома определила. Вот и ходим, изучаем, прицениаемся. Нам с Женькой цешку и детали по списку. Мне персонально набор — радиоприёмник и стамески. Отцу штангенциркуль, микрометр, и прочее. Мне альбом и карандаши сверх лимита. Тут бабушки добавили под мои заявки. Техно — шоппинг в полный рост. Ассортимент конечно АлиЭкспрессу уступает, но по этим временам богатейший. Набрали всего и ещё немножко. Будет чем долгими зимними вечерами заняться и благосостояние семьи приподнять.

Задача инженерного и технического образования в целом в Советском Союзе была не столько утилитарной, сколько, как и всегда идеологической. Чтобы технари не стали интеллектуалами, но профессионалами своего дела. В результате к концу 1950-х годов сформировалась целая группа людей, которые владели базовыми и даже продвинутыми навыками технической профессии, но при этом совершенно не интересовались гуманитарными предметами. Именно это было одной из причин развернувшейся в оттепельную эпоху дискуссии так называемых физиков и лириков.

Но меня и моих сокурсников в восьмидесятые чаша сия миновала. Ещё при формировании Владимирского политеха были заложены принципы практического образования и многие преподаватели, в том числе и теперешний начальник моего отца Виктор Валентинович Эфрос, преподавал своим студентам теорию дизеля на очень наглядных примерах и руки у них после лабораторных работ не отличались от рабочих моторосборочного цеха. А культура нас не обходила ни в школе, ни в институте. Но об этом позже.

Наш Женька за статьи в Кругозор и ЮТ получил приглашение из МИРЭА за подписку ректора. Форса была приличная, физику и математику ему зачтут пятерками по предъявлении аттестата. Сдавать только русский и сочинение. На 500 рублей гонораров Яву купить хочет, а не хватает. На семейном совете дал обязательство что школу без троек закончит и на права сдаст. На серебряную медаль не вытянул, старые грехи по поведению не пустили. Но всё выполнил и вот мы с батей и Женей идём на сборище выкупать заранее сговоренный аппарат. Явовская тусовка во Владимире богатая. Собираются возле оврага и управление ГАИ через дорогу. На этом овраге каждое лето у них большой шабаш и конкурсы всякие. Ну и контингент не простой, это же не Ковровский "Заяц", иномарка как ни крути. Порог вхождения 750 рублей по минимуму. А к тому ещё много чего. Ну опять я отвлекаюсь.

Действо в разгаре, с моцика снято всё что можно, всё осмотрено, простукано и вынюхано. Пока Женя ставит всё на место папка с продавцом перетирают за расход бензина, когда прокладки меняли и как на малых скоростях движок греется. Теперь на ходу смотрят. Ну сговорились. Уехали документы оформлять.

— Умаялся поди? — заботится отец.

— Не, нормально, интересно даже, а ты азартный, торгуешься забавно.

— Не без того, от любого дела нужно удовольствие получать.

— А от чего самое большое удовольствие, ну не считая того самого, от которого дети получают? — уточняю самым нейтральным тоном.

— Ну завернул, ну дал залиvisto хохочем, опять бабНастя просветила.

— Не без того, так я и сам не слепой, то у Климовых кабанчик в гости ходил, то у Михеича на конюшне чего творится, не слепые мы, не городские. Это только здешних аисты носят.

Опять хохочем, я и по прошлому разу к этому же возрасту теоретически был подкован, потому и гормоны в надлежащее время контролировал, человек чай, не петух и не кобель;—)

— А не рано таких знаний набрался, сын? Не мешают?

— Знания никогда не мешают, а вот их отсутствие всегда плохо. Незнание закона, не освобождает от ответственности, правильно излагаю?

— Правильно. Понимаю тебя, согласен. А какие знания самые важные?

— Как человеком быть, как с другими обращаться. С остальным каждый сам разберётся. Добудет себе всё что ему нужно, главное, возможности для этого создать. Ну и показать эти возможности. Вот Женьку возьми, после восьмилетки, пошел бы в училище, корочки получил, крутил бы провода по столбам да пробки — лампочки менял. Ан нет, подумал почитал и сам для малышни стал писать, показывать возможности, ему даже отдел радиотоваров "Детского мира" шикарный мультиметр прислал, потому что с его статьями пионеры закупаться приходят. Чуешь?

— На самокат намекаешь?

— Зачем намекать? Сам всё понимаешь. А парни из твоей группы?

— Скажешь, тоже.

— Чего говорить, приказ уж поди готов, и ты готовься, только и ждали, когда твой диплом вылежится, и ничего что у них корочки вдоль открываются, а у тебя поперёк?

— Ну я и постарше чутка и в армии отслужил.

— А еще и три профильных специальности освоил. Обработка металлов практически и теоретически, трактора знаешь, стаж и налет вон какой ну и руководящий опыт есть. А они пока только учатся и у тебя тоже.

— Да они больше меня знают

— А применять свои знания умеют, пап? Что тебе семечки, им объяснять нужно.

Сидим себе в тенёчке, беседуем, закладывая понемногу кирпичики будущего. Отец у меня голова, настойчивый, вот только скромный и самооценка маловата.

Женя катит. Лыба на два лица хватит. Сбыча мечт прёт. Радости на троих и ещё дома двое ждут, бабНастя и Валя. Обнимаемся и летит наш байкер домой, к экзаменам готовится. Совсем скоро столичным жителем станет.

— Ну как, домой намылимся? Вкругаля по объездной или на транспорте?

— А что мы хуже троллейбуса? — уточняю я, где и спрямим.

И пошли мы огородами. Ну не совсем конечно, сначала через Московскую трассу перешли, потом пустырь. Дальше частный сектор. Скоро сюда пятиэтажки подберутся от центра. А пока дома, огороды, яблонь много. Хорошо, и ничего что оживленная дорога рядом. Много переговорили пока дошли. Как раз к обеду.

— А не надоело ли нам в общежитии проживать? — спрашивает отец за чаем.

— Нормально, работа рядом, детсад на соседней улице, тепло светло, квартиры еще не скоро будут, завод расширяется, — отвечает мама.

— А ребенку бабушек не хватает, свежего воздуха, свежих фруктов, на речку искупаться, рыбалка, мастерскую опять же. У меня опытного производства нет и вообще. — Вставляю я. — Терешкины вон где живут.

— У них бабушка на пенсии и Москвич, — корректирует мысль отец.

— А у нас две бабушки на пенсии и Запорожец купить на раз, — не сдаемся в ответ.

— Ну раз народу такая потребность надо обсудить. Сань, ты говорила, что улицу для молодых семей будут закладывать, как в Лакинке. Помозгуем, посчитаем. Так на семейном совете и порешили, дому быть.

С чувством выполненного долга завалился я спать, а то. Сколько прошли и какой поворот надумали.

1967 август

Мама отца конечно настраивает, подталкивает, но и ей уже тянуться приходится. Да и внешне за год они изменились, не говоря об одежде, окружение сильно подтягивает. Это на кирпичном можно в халате выскочить луку, укропу нащипать, тут не так. В общежитии по коридору и то сколько глаз. А уж на службе оценят, взвесят и по полочкам разложат, то еще серпентарий.

Ну вот и ещё каникулы заканчиваются. Мне хоть и четыре, а живу по школьному распорядку. Валька в школу, меня родителям. Да и Женя упылил на картошку. Лихо он с мотоциклом провернул. Экзамен сдаст и домой. Все в общежитии, а он у мамки. 150 км для него не крюк. Вот и про колхоз разведал заранее, прямо на место покатил.

Мама приехала меня забирать в пятницу 26 августа с вечера. Курсы бухгалтеров закончила и из цеха перевелась. С понедельника на новое место выходит. Про дресскод кто только не прошелся, вот как у них на западе всё правильно. Фигня, в СССР всё намного круче, хотя и не официально, но строго. Хотя возможностей маловато, готового не купить, тканей нет, пошить задача. Но желание побеждает всё. Вот и приехала с матерью и Томой перетереть фасоны и прочее. Ну и я тут, типа машинку покрутить. Так я шить и научился. Мужчина всё должен уметь, никакой работой не гнушаться. Геракла вон как прясть плющило, а и зря. Женя наш вязал когда сменами дежурил и ничего. И нервам тренировка и пальцам.

— Ма ну ты что? Не старушка, всего-то четвертак разменяла. Ну понимаю, работа серьезная, но ты ведь ещё совсем не тётенька. Тут подберём, тут посвободнее, длину сбавить, коленки показать. Воротничок по-другому скроить.

— Валь, тащи журналы свои и кукол бумажных.

— Зачем это? — тетка интересуется.

— Моделировать будем, бумагу всяко проще кроить чем тряпки. Вот фасончик годящийся и по сезону.

Ну тут меня не надо, тихонько загасился и к Борзовым. У нас своих дел хватает. Я им тоже идей подкидываю. Особенно по музыке. Серега уже во всю на баяне шпарит. Вот только музыкалка в Собинке, ездить неудобно и мира у наших с тамошними нет. Ну кулаки у них с брательником уже побиты по правильному. Да и отцу скорняжить помогают, а там и взрослому не просто. Младшие школьники их уже не задирают, а восьмиклассник один нарвался и другим заказал. Родителей вот сговорим, а чего тянуть?

— Дядь Ген, здорово. У тебя обрезков светлой кожи нет?

— В баловство?

— Не, мамке ремешок пошить.

— Ага, погодь. Борька, ныряй на шкаф, зеленую скатку тягай. Кидай.

— Шо тут у нас. Это короток, этот не вычистить. Пойдет, смотри, закачик. Запас какой делать?

— А давай я сбегаю с бабами перетрем шоб два раза не вставать.

— Перетрем говоришь? У зонских нахватался?

— Не, куда им до нас молодых, шустрых. Ржем не скрываясь, ещё тренд в массы уйдет, братья помогут.

— Дядь Ген, а если к пояску кошелечек приторочить? На пару отделений с кнопкой?

— Нету кнопок, скажешь, как застежку сварганить, сделаю.

— Люверсу впендюрим, разгребая железки и шпилькой?

— Думать надо, Серьга тащи коробку с мелким железом с сарайки. А тебе вот образцы, двигай в бабье царство. И как ты с ними говорить то можешь, я со своей враз на мат схожу, а там и далее.

— Неправильно ты с ней. Баба она как телевизор, включится и слышать уже не может, тока говорит. Ты погоду, не слушай, а как у ей программа переключается и огорошь правильным вопросом. Тут её зашкалит, а ты и закидывай нужную фразу, во мать, правильно до чекушки добавишь и дело. Попробуй.

— С чего ты так?

— Так опыт, подымаю палец вверх. У тебя одна баба, ну теща заглянет изредка, а у меня? Мать, две тетки да две бабки. И не хочешь а наловчишься, тем более куда мне маненькому податься? — опять ржем, ухохатываемся.

Забираю лоскуты и до дому. Там уже накал спадает.

— Ух ты, здоровско.

Это они уже бумажками наигрались, Вальку обернули материей и вертят как манекен.

— Борзов вон чего дал, ремешок можно пошить и с кошелечком. Только говорит скажите, как сделать.

И завертелось по новой. А я опять по стеночке и ходу.

— Дядь Ген, наживку заглонули. Попозжа мамка придет сговариваться.

— Хорошо, а сам то чего носишься?

— Так чего сидеть пока свобода, в садике посадят, рисовать там, бумагу клеить. Слушай, а чего Серёгу в музыкалку не отдашь, может ведь?

— А баловство одно, — отмахивается сосед.

— Не скажи! — останавливаю тираду. — Вот смотри, выучиться, на слуху будет. Что на свадьбу позовут, а то ещё чего.

— Ага и расплачиваться выпивкой?

— Так он пока учится будет с гопотой всякой водится не станет и не пристрастится. А ты ему подсказешь, на мопед мол подкочи, а то рубаху модну пошьем, девки сбегутся.

— Ну разложил, поди до пенсии планов, удивляется скорняк.

— А чё с бухты барахты лепить. Вон Женька у нас в институте, да при своем транспорте. Не глядится такой вариант?

— Ну хватил, куда моим до вашего.

— Так десять лет ещё. И перегонят. Молодым везде у нас дорога. Ты только их делом занимай чтобы дурью не маялись. Не понужай, а чтобы сами брались, с понятием. Там школа, а они уже за порядок понимают. Нам то Валька выдавала кренделей. То не буду, это мне не надо, а там сам понимаешь, как в армии, все в ногу и не дрыгайся. А поймут, что с учебы сплошная польза, вот и развернутся. А ты говоришь кудаа?

— Да уж загрузил по маковку, чешет её дядьГена.

— А чё, не осилишь? — подначиваю.

— Своего тоже на слабо взял?

— Не с ним такое не прокатит, озадачил и заинтересовал, он у нас увлекающийся и азартный, ну да ты сам знаешь.

— А я тогда какой?

— Ты дядька основательный, распланировать, раскрыть всё загодя норовишь

— Ну а как шить без выкройки, фуфло ить выйдет.

— Ну и крои парням жизнь. Чтобы всё по писаному. Вон во Владимире и музыкалки и

кружки и секции разные. Понимают, что ежели дети в люди выйдут и самим почет и уважуха и к старости подсоба. У нашей то бабзины Иван аж в обкоме и евонный Серега в Москве институт заканчивает. На зонников глянь, какой с них толк? А мальцов с толку сбивают. Норовят подмять, чтобы на них шакалили. Оно тебе надо? Так и загреметь не долго.

— Не, сплюнь такого щастья. Меня вон тёща пилит, мол че за дело скорняжить, ни денег, ни почета.

— О чем и речь. А вот мои девки с поясками, кошельками растрезвонят и пойдут к тебе с работой. Тут по копеечке и рублик. Ты фасоны собирай, выкройки накопишь. Тут и сынам на музыкалку и на новый инструмент. А там и попрет. Хозяйку к делу привлечешь и некогда про чекушку вспомнить будет, какая интересная жизнь пойдет. Не веришь, моего поспрошай. Запорожца мылится покупать, если тринадцатую хорошую дадут.

— Чё с получки и премии машину?

— Ну хватил, откладывает. Он же не директор, инженер не из последних ясно дело.

Чешет сосед репу, а как не прикинь всюду выходит пора за детей всерьез братья. Тут и мамка подоспела. Другой разговор пошёл. А умеет она торговаться, покруче папки заворачивает. Завтра будут им пояски с Валентиной, новый тренд напрашивается. Ну тут и без меня закрутят.

Хорошо в деревне летом. Хотя оно типа город Лакинск и лета край уже. Но хорошо. Не успел позавтракать прилетели братья музыканты.

— Ты чё там пахана загрузил? Две пачки скурил и мамке такую речь задвинул.

— В музыкалку пойдете?

— Пацаны застремают, маменькины сынки типа.

— Как застремают так вы их лохов и расстремаете. Лентяев и балбесов. А девки то уже все ваши будут. Вон Лумумба с гитарой вылезет и вьются вокруг него. То— то, учиться всегда пригодится.

— И че батя сказал?

— А будете помогать и не отлынивать то и на музыкалку и на инструмент наскребет. Если у них недобор и покажете себя, могут и этим годом взять, чего болтаться. А зимой и вовсе чего дома сидеть.

— Ну задал задачу, надо это хорошенько перетереть со стариками.

Думаете опять привираю? Не услышишь от четырехлеток такого? А вот и правда. Вообще занятная у нас шайка была. Вроде и родители рабоче — крестьянского происхождения и бабки деревенские и деды почти все с фронта не вернулись, а вот говорили в основном грамотно. Не без загибов ясное дело. Ну так среда та ещё. Соберутся отцы е домино забить и за международную политику покалякать, а мы тут слышим всё пока свои игры играем. Ну если уж совсем по матушке развернутся им какая из бабулек враз окорот врежет и на посконном, и на литературном. Опять же у родителей работа разная и разговоры, и навыки. Тут и интеллигенция фельдшером, ветеринаром и бухгалтером представленная. И рабочий класс с высшими разрядами ну и самые низы. Но океросинится никто не хочет. Вон Люстрий, вроде так экскаваторщик и за воротник закинуть не любитель, а все новинки кино назубок и нет нет в область в театр. А Женькин старший кореш и вовсе Хаммаршильд, по ООНовскому председателю то погоняло, потому как ходячая политинформация.

Вот когда мы в школу пошли, там расслоение поперло. Кто с какой шайкой связался так

повернул свою жизнь. Кто к блатарям — двоечникам, кто к спортсменам — хорошистам. А Борька с Серёгой так и поделились в прошлой жизни. Я-то тогда сам по себе был, читал много, но за пятерками не гнался, а со спортом тоже большой любви не получилось. Простужался часто. Ну и не контрился ни с какими группировками.

Вот если девчонкам по красоте и одежкам чего втемяшиться, спать не будут, а дошьют. И Бабушку, и швейную машинку загоняли. Два платья пошили. Сёстры, тут всё вровень без скидок на возраст. Вот Первого сентября в школе девки обзавидуются.

А в воскресенье вечером ещё серия в узком кругу. Платье отглажено. Туфли батя надраивает и себе и маме. Потом примерка.

— Ну что сразу главбухом? — настраивает отец.

— Не угадал, на вечерний экономический думаю документы подавать.

— Может в артистки? — Толкает меня в бок отец. — Ну чем не Макарова и моложе при том, вогнал маму в краску, а она от того только симпатичнее.

У нас новое достижение. Новый учебный год начался с зарядки. Отец сразу врубился и давай нас строить. Армейские комплексы на сколько-то там счетов. Мама сначала отнекивалась, но на второй день уже все вместе заряжаемся. Потом я по папке взбегаю под потолок и бегом умываться. Родители пьют чай, и мы бодро и дружно на службу чешем. Меня в ворота детсада и бегом на проходную.

Пока все раздеваются мы с Вовчиком в морской бой режемся. Вот вся шайка — лейка в сборе и завтрак. А манку можно очень вкусно сварить и пенка на молоке в самый раз. Уфф. Расползаемся по углам. Сегодня я продул, потому книжку читать мне. Выставляю стул по центру и объявляю:

ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА АЛЕКСАНДРОВА

ДОЗОР

Я нашёл в канаве
Серого щенка,
Я ему на блюдце
Налил молока.
Он меня боялся,
Жалобно глядел,
Прятался в калоши,
Ничего не ел.
На другое утро
Влез ко мне в кровать,
Стал под простынею
Ноги щекотать.
Пролил у котёнка
Миску молока.
Мама рассердилась:
— Выгоню щенка!

Это же любимая книжка моей жены, мы её детям читали. Я её наизусть шпарю, а думаю совсем про другое. Ей месяц назад год исполнился.

Папа для газеты
Объявление дал,
Что щенок овчарки
К мальчику пристал.
Пусть его хозяин
К нам придёт за ним.
А не то считаем
Мы щенка своим.
Я глядел в окошко,
Ждал в дверях звонка...
Не пришёл хозяин
Серого щенка!

Вот закавыка. Два года уже, как и не вспоминалось ни разу и бац. Прорвало. Запах

волос, ушко, глаза кругло — удивлённые. Ещё 17 лет с небольшим и встретимся. Как она там? Или когда?

Я горжусь Дозором.

От него привет.

Мы покинем завтра

Скучный лазарет...

Реву, заливаюсь, но стих чту.

На родной заставе

Вьётся красный флаг.

Перейти границу

Не посмеет враг!»

Нянечка меня обнимать, слезы вытирает. Вовка тут же. Он вообще восприимчивый.

Пошли мы с ним сморкаться — умываться.

— Не реви, я не реву, и ты не реви, а то я тоже сейчас разревусь.

— Не буду, — начинаю хохотать, — мультик только через год снимут.

— Друг мой Владимир, запомни этот день и свои слова. А лучше запиши, я знаю ты это уже постиг. Примерно через год ты услышишь их из телевизора.

— Объяснишь?

— Ни за что, извини, просто ещё не время. Кстати, записывай каждый день всё что с тобой произошло. Это нам здорово поможет в будущем.

— Ты что-то такое знаешь и не рассказываешь? — дуется мой друг.

— Да, придет время, расскажу, — успокаиваю я. — Записывай, зуб даю, пригодиться.

Вечером меня сдали маме и в прямом, на руки и в переносном смысле. Про стих и слезы. Но последствий не было, родители только пошушукались.

Потом я стал разборчивее в публичных чтениях. Это было сложно. Всю библиотеку ДетСада я знал наизусть. Потом и Вовка подтянулся и ещё кое кто стал читать и к школе мы были готовы к второму, а то и третьему классу поголовно.

Погода стояла вполне ещё себе сухая и начали работы на строительстве новой улицы. В выходной мы пошли смотреть. А там уже всё в колышках и начали траншеи под фундаменты рыть. Наш посередке и от дороги отдален и к речке близко.

— А пошли к Вовке сходим, — зазываю я, — посмотрим, как все устроено?

— Ну не знаю, незваный гость хуже татарина, — сомневается мама.

— Да не, Филипп Георгиевич не погонит, — успокаивает отец.

— Жаль гостинца никакого нет. Разве что я подарком поработаю, — стараюсь разрядить обстановку.

— Это как? — удивляются родители.

— А вот придем и увидим.

Ну конечно нас напоили чаем с пирожками. Женщины остались на кухне, мужчины перебрались в комнату, а мне Вовка экскурсию закатил. Хорошо у них, но немного не по моему. Ну ничего будет свой дом, там и раздышимся. Яблони, груши, слива, вишня. Когда ещё у нас вырастут. Нагулялись, набегались и опять чай гонять.

— А пойдём те ка молодые люди в мой закуток. — Дед серьезно так на меня поглядывает. — Вопросы у меня к вам.

— Интересные или заковыристые? — уточняю на берегу.

— Разные, но не страшные.

Ну пошли. Зауток тем еще кабинетом — библиотекой оказался. Стремяночка такая удобная.

— О, моя первая книга, у Вас тоже в ходу? — выглядываю ту самую энциклопедию.

— Кхм, — удивляется дед Филип. — Не рано такие матдебри постигать?

— Нет, как раз, очень она удобная и пахнет хорошо. Я ей с годовалого возраста играю. В три начал картинки рассматривать, а сейчас читаю понемногу

— И как, интересно? — удивляется хозяин.

— Очень и полезно. Почти всё пригодилося.

— А что всем однокорытникам рекомендуешь почитать?

— Ни боже мой, Филипп Георгиевич. Кому рано, кому не интересно.

— А ты внук что скажешь?

— Не моё, я вот анатомию зубаю, пока на мышцах застрял.

— А это тебе зачем?

— Рисовать конечно. Без знания анатомии к человеку не подступиться.

— Что-то мне не понятно вы в детсад ходите или в институт?

Хохочем оба.

— Ну что вы, там вон какие столы высокие, не дотянутся, — чуть не хором отвечаем.

— И книг много носить, не потянем, подрасти необходимо, в школу сходить, потренироваться, а уж потом, добивает Вовка.

— Половина вопросов отпала, облегченно выдыхает Вовкин дед. А чем бы вы хотели заниматься?

— Многое хочется попробовать, отвечаю. И на мотоцикле погонять и в море понырять и в космос слетать.

— А я бы в кругосветку ходил, — вздыхает друг. — Но нас пока никуда не возьмут.

— Вообще я так далеко не загадывал.

— И не загадывайте. Проще будет и нам скорее всего только самое простое из названного удастся.

— Почему так грустно?

— Это реалистичный вариант развития. июньский пленум ЦК КПСС, уже прошёл. И ничего уже не будет. Ни Луны, ни подводных совхозов, ни советских компьютеров размером с ладонь.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно, это похлеще XX съезда было.

— То есть культ личности и поворот, пустяки?

— Ну пережили же и стоим. Вот именно что стоим, а скоро сползать начнем.

— Не понимаю, завис дед.

— А перечитайте материалы и поговорим.

— Хорошо, а то я вижу Владимир как-то выпал из основного русла.

— Дед, получается, что всё наше поколение выпадет не только из русла, но и из жизни. — Вовка нахмурился. — Мы такие какими Вы нас воспитываете станем не нужны.

— Да друг мой, тебе не только мультики предугадывать. Рисовать тебе надо всё как должно быть, иначе и не знаю.

И мы все замолчали, думая каждый о своем. Мне было проще, я знал, что может быть. Вовка чувствовал, как нужно жить, но не представлял, как избежать неправого. А дед просто представить не мог куда нас заведут ровесники века и его, Филиппа Георгиевича ровесники,

соратники и командиры. Вот такая беседа через поколение произошла. Хорошо отцы не участвовали. Рано им ещё. Но и до них дело дойдет, хотя лучше бы сначала слово. И пошли мы снова на посошок чай пить и домой собираться.

Добрел я только до объездной. Уснул, на ходу, если бы родители за руки не держали, брякнулся бы. Не по силам детскому организму такое.

Солнышко еще только проснулось, а мы уже карьер обходим. Ранняя пташка поймает червячка, говорит бабушка. А мы по ягоду. У папки лукошко берестяное в котором я по прошлом годе помещался, а теперь я уже большой, скоро пять лет. У меня пестерёк берестяной за плечами, мы его вчера доделали, дух от него, хоть пей. Земляника вкусная в него соберется. Ближние места все обобрали уже, вот мы и идем за карьеры. Там в посадках и ягода крупнее. Правда и идти далеко, притомился я что то, хотя виду стараюсь не подавать. Но папку не проведешь, все подмечает.

— Ну что сын, глянешь, далеко ли нам еще до вкусных ягод?

— На закорки возьмешь, воспрял я духом.

— Лезай.

Взлетаю и сразу горизонт разбежался, а то бурьян вдоль тропки высоченный застил всё.

— Вижу, вижу вон там за полем березки, там ягоды много! — кричу радостно.

— Ну полетели.

Лечу, парю, руки-крылья раскинул, крышка с пестеря слетела, на завязке хлопает мне по бокам, ветер в ушах гудит что твой самолет летим. Вот и прилетели к лесопосадке.

— Ну сядем на пенек.

— Съедим пирожок, — подхватываю.

— А тебе с чем, с луком или со щавелем?

— Вы вот взрослые что ли не понимаете или прикидываетесь?

— О чем это?

— Дак всяко со щавелем вкуснее, а с яблоками и подавно, только яблок еще нету, а прошлогодняя антоновка вся уже давно кончилась.

— Ну вот тебе самый вкусный.

Заминаю пирожок, еще теплый, он в лукошке с братцами в полотенце прятался, припиваю молоком из бутылки — благодать. Отец смотрит на часы.

— Домой побежим? Футбол смотреть? — спрашиваю.

— Нет тут интересней телевизора дело намечается.

— Какое дело?

— А вот смотри на паутинку, видишь на ней капельки. Найди самую большую и в самую середку смотри внимательно.

— Ой, а кто это там, удивляюсь я,

— А это я там

— А мальчик кто?

— А я и есть тот мальчик.

— Не, ты взрослый дяденька, целый папка уже.

— А там мне тоже четыре года, а это мой папка, он через неделю на войну ушел и там пропал без вести.

— А мамка где,

— А мамка еще и не родилась, только к осени собралась! — удивляется отец.

— Чего смеешься?

— Да вот вспомнил какой у меня пестерь был пахучий, как папка меня на закорках нес и мне все, все сверху видно было, и крышка от пестеря синяков на спине набила.

— А теперь мамка нас ругать будет?

— Не будет, мы же ягод наберем, вон их кругом сколько.

— Нет давай еще посмотрим.

— Так уйдем мы сейчас дальше, мы вон на том месте на пеньке сидели.

— А мы перебежим, — тяну отца за руку, — и с другой стороны заглянем.

— А давай.

— И вправду видно, как я раньше и не догадывался с другой стороны заглянуть. Вот и они сели на пенек.

— А с чем пироги?

— Догадайся

— У тебя со шавелем, а у деда с луком и яйцом? Бабушка пекла?

— Догада, усмехается отец.

— А о чем говорили?

— Про книжку, про хорошую.

— Пап, ты мне считаешь, ту книжку?

— Вместе считаем.

— Да я буквы не знаю, сам же меня не учишь

— А вот теперь и стану учить. Раньше бабушка не велела, пока сам не захочешь. Все делать ко времени нужно.

— Ну какую книгу то?

— «Белеет парус одинокий» Катаева.

— Так мы кино смотрели, там про мальчишек.

— А книга она интереснее, как сам прочитаешь, сам себе все в лицах и представишь. А кино это уже кто-то прочитал и по-своему показал, потому книга всегда интереснее.

— А мультики, они тоже из книжек?

— Ну а как ты думал? Всегда сначала историю придумать нужно, а потом другим рассказывать и показывать.

— Вот тебе деда на руках и показывает?

— Ну почти. Ну теперь точно пойдем ягоды собирать. Мы то давешние собрались уже.

— Собирай скорее все в лукошко, вон там еще паутинка, вдруг и там капелька есть.

— Глазастый — есть, есть. Гля они через канаву перешли, а у нас ее нету.

— Запахали все лет пять назад, поле прирезали, а то большому трактору тесно.

— Бежим в догон, когда я еще деду увижу.

— Да я почитай каждое лето сюда прихожу.

— А мне что не говорил?

— А ты бы дошел?

— А на закорках то?

— Понял бы чего?

— А и нет наверно, малой же был совсем.

— Вот то-то и оно. Всему свое время.

— Ну все не видать, росинки высыхают, раньше надо выходить.

Вот уже три года новой жизни. Многое уже пошло по-другому, но не глобально. Хотя так тут все не торопливо, размеренно. Вот ведь чертежи самоката ещё когда были готовы, а выпуск только недавно начали. Уже и батя диплом защитил и инженером стал в отделе главного конструктора, теперь вот зам начальника цеха по производству товаров народного потребления.

Мало оказалось самоката. Потом велик сделали и Жука, велосипед такой детский, мотокультиватор и электрокосу. Теперь вот на понижение идёт обратно в ОГК. Руководителем группы.

Владимирец для частников дороговат, а потребность в механизации растёт. Не успевают кустари одиночки за растущими потребностями населения. МТС ещё кукурузник упразднил. Опять же и земли выделяют в таких местах где и "Фыр — Фыр" не развернется.

Ещё хрущевскими "экономистами" было подсчитано: для пропитания семьи из 4 человек требуется 6 соток. Если же дать больше, могут появиться излишки, которые хозяин понесёт на рынок с целью продажи. Подозревалось, что это может оживить в нём частнособственнические инстинкты, а такое в советское время не поощрялось. Насажал тюльпанов больше грядки, можешь и на 15 суток загреметь, как спекулянт. 22 июня 1954 года появилось знаменитое постановление № 1240, в котором райисполкомам разрешалось выделять простым гражданам землю под застройку домика для садоводства. В нем же впервые появились те самые шесть соток (или двенадцать в сельской местности) — именно столько давали на одну семью. Давали бессрочно и при выполнении несложных условий. А самый разгар садоводства — огородничества только при Брежневе пошел. Шесть соток на лопате поднять не шутка, если семья четыре человека и двое младшие школьники.

Сколько всяких приспособ понавыдумывал народ. Моделист — Конструктор не успевал публиковать. Приложение к Юному Технику специальное стало выходить "ЮТ Для умелых рук". В прошлый раз я их тоже читал, а теперь ребята из батиней группы эти материалы получали для рецензии. Смотрели и по безопасности и пригодности к серийному производству. Потом отобранные изобретения рассматривала межзаводская комиссия. Экономисты тоже оценивали и от Госплана были представители. Думаете просто было закрутить такое? Дед моего одноклассника замом главного конструктора тогда был на ВТЗ. Крутой мужик. Он все и завертел, а его зять накрутил, он у моего папаньки в группе. Вот так дошкольники промышленность поднимали.

Ну что я о взрослых делах взялся, рано мне еще. У нас с Вовкой и в детсаду было чем заняться. Это меня к бабушкам отправляли, а основная масса на дачу выезжала. Это только наши старшаки 5 — 6 летние как в пионер лагерь ездили. Мне по прошлому разу тоже такого счастья выпадало. Строем ходить и после обеда подушку придавить, это терпимо, а вот дедовщина и заорганизованные вожатые уже через край. Не по мне это. Я отдых тихий люблю, вдумчивый. Книгу почитать, поруководельничать. Потому вопрос ребром поставил либо я дома, либо к Бабушкам.

Думаете трындеж? А вот и нет, у нас в семье равноправие в независимости от пола,

возраста и вероисповедания. Обосновал свои хотелки — получи зелёный свет. А какой он ещё сквозь листву смородины и малины? Лежи под кустиком и самые вкусные ягодки прямо в рот закидывай. Опять же Борзовым папашка чехол из брезентухи на белорусевскую камеру пошил. Тот еще броненосец "Не тронь меня" круглый во все стороны. Ну да нам с другим и не справиться. Докатим до пруда, потом пару раз умоемся. Зато на воду спустим и путешествий на весь день. Водоем не великий, метров полста на триста да загогулина омута где я три года назад вторым кругом жить пошел. Трое, четверо пятилетних человечков на таком пространстве, зато сколько всего занимательного.

Оказалось, что информации о многих людях нигде нет, а то что помню не всегда совпадает с воспоминаниями других. Оказывается, даже игрушек не было которыми мы играли в детстве. Это настораживает.

Но всё хорошее заканчивается и эти каникулы закруглились. В субботу родители приехали. Завтра вертаемся в городскую жизнь. Делов накопилось, даже по грибы не ходили. И рыбалка утренняя по бороде прошлась. Потому как первым автобусом отчалили на холодку. Мама какая-то занятая. Обедом нас накормила, отец по магазинам отправился. А мне как нормальному дошкольнику — тихий час. Ну я и придавил с устатку и обжорства минут сто или поболее. Расту я во сне.

— Ну что молодец, удалец? Все карьеры облазил, все пруды переплыл?

— Все фасоны рогаток перепробовал, — подхватываю давнишнюю шутку. — Два зуба потерял, три ножика сломал и десять поджигов взорвал.

Мамка в шоке, глаза круглые. Мы переглядываемся да как давай хохотать. Её тоже разбирает. Ржем до слез.

— Завтра сын нас начальник вызывает, вот только зачем не ведомо.

— А чего бояться, либо наградят, либо озадачат.

— И то верно. Но вот мать говорит, надо при параде быть. Я-то уже свыкся даже с галстуком, а тебе впервые.

Знал бы он сколько я костюмов и галстуков сносил, хотя никогда не любил.

— Не вопрос, лето, 5 лет. Шорты допустимы, темные. Стрелки отгладим — официоз поддержим светлой рубашкой. Ленточку повяжем в цвет папкиного галстука. Тебе напрягаться не стоит, каждый день так одеваешься. А эскизы на маленький трактор закончил?

— Ребята вчера доделали.

— Проверил?

— Обижает, не первый год замужем.

— Ну тогда держись Виктор Валентинович, будущее грядет.

Понедельник. Важно через проходную идем. Собранные такие. Вот и знакомый кабинет. Второй раз я тут. Сегодня никакого кагала. Келейно можно сказать встречаемся.

— Ну Здравствуйте, орлы.

— Не пугайте товарищ Генеральный конструктор

— Чтоо так, молодой человек.

— Очень байку одну напоминает. Строит командарм Тухачевский дивизию и говорит, здравствуйте, орлы. Ура отвечают бойцы. Мы тут с комиссаром посовещались и решили, птицам деньги ни к чему и на всё денежное довольствие армии купили новый польский танк.

— Всё слежу за словами, — отсмеявшись, заверяет хозяин кабинета. — А пригласил я

вас вот по какому делу. Большею частью вашей семейной командой создан цех и новая лаборатория, посему требуется Вас поощрить.

— А и действительно, зачем нам деньги? Станислав Павлович? Скажи свое кандидатское мнение.

— Нам солнца не надо, нам партия светит, нам денег не надо работу, давай.

— Ну единодушно и бодро, ценю, но больше чтобы такого не слышал и не дай сам понимаешь кто чтобы ещё где прозвучало.

— Понял товарищ Генеральный, — вытягивается в струнку.

— Работали семьёй вот всю семью и поощрим путевкой на Чёрное море на 21 день.

— Служим трудовому народу, — рапортуем дружно.

— Орлы, — снова смеётся шеф, — неделя на сборы и в очередной отпуск.

— Разрешите обратиться, товарищ Генеральный?

— Обращайтесь.

— А в том санатории ребят много будет?

— Думаешь не найдется компании?

— Нет, туда бы наших опытных образцов отправить. Самокатов, велосипедов. Детям радость и полевые испытания под контролем разработчика проведем.

— Нет значит вам и в отпуске покоя.

— Нам и на рабочем месте покоя нет, — достает руководитель группы папку эскизного проекта.

— Сверхурочно значит?

— Трудовую дисциплину нарушаем? Казённые материалы расходуем.

— Ну кто, когда и сколько после смены отработал, охрана справку выдаст и самый злостный нарушитель у нас Виктор Валентинович Эфрос.

— Уел. Объясняйте уже.

И мы разложили про экспорт революции, за что получили строгача, правда без занесения, учёный всё же. И про помощь развивающимся странам. И про нужды народного хозяйства.

А потом-таки добрались и до самого трактора. Универсальный, класса 0,5 полноприводный, дизельный прямого водяного охлаждения со сламывающейся рамой, кучей навесок и унификацией с Т— 25 до 60 %. А потом пошел такой обстрел, куда там гаубицам и катюшам. Но парни хорошо поработали, и я нужные слова вставлял, потому как про дуракоустойчивость и братские разгильдяйские народы в этом времени не задумывался ещё никто. Потом пошел конструктив. Варианты двигателя и трансмиссии вплоть до кожаных ремней. Я влез с предложением продавать машину комплектами вплоть до варианта собери сам и комплектации самые разные, а на закуску систему предварительных заказов, чтобы каждый покупатель получал то что именно ему нужно.

— Так, злостные вы мои, стоп. Решили весь ОГК напярчь и в отпуск?

— Никак нет, группа в полном составе остаётся. Вот список кто что родил и за что головой ответит.

А мы с 11:30 до 14:00 будем по будням на связи. Номер телефона сообщим по прибытии.

— Меня жена из дома прогонит.

— А вот это лишнее, работу на дом брать никак не можно. Нам ведь тогда и от директора влетит и Иван Степанович не помилует по-родственному.

Долго мне родителей уговаривать пришлось не набирать чемодан всякой всячины.

— Не на пепелище едем. В общежитие переезжали чемодан, и сумка были.

— Так сентябрь. Одежду.

— Там в сентябре теплее чем у нас в июле. — отбиваюсь я. И в санатории всё готово.

Вот платье что полегче бери. Основной багаж был большой, его прямо с завода отправили в санаторий. Как я и просил — техника.

Сели. Тронулись. Едем. Лежу на верхней полке, смотрю в окно. С 67 по 80й, а то и 94й перемен не так уж и много. Ну что-то я естественно не помню, потому как не очень и хотелось. Суперпамять и другие плюшки при попадании до меня не долетели. Даже интересно почему. Вот бы мой рабочий комп сюда. Библиотека у меня не слабая скопилась и из кэша браузера можно было бы чего вытянуть.

Да ладно, чего уж. Всё моё со мной. Главное все живы, здоровы, а прочее наживем. Точу понемногу орехи вперемешку с изюмом и черносливом, моя любимая дорожная еда. Вкусно, удобно и сюрпризов с пищеварением никаких. Ну и чай по возможности.

Мама норовит курицу впихнуть, держусь. Без меня справятся. Пузо отлежал, после Вязников слез за стол и давай в тетрадке рисовать что в голову придет. Мне так лучше вспоминается. А вспомнить бы всех ровесников дельных. Вот директора Ковровского завода, но он не местный. Да много ребят в нашем поколении и технарей и артистов, и бизнесменов. Много самородков, да и династии приветствуются. Вот базу корреспондентов тех журналов пошерстить. Ну и через чур дельных типа Ходорковских, Потаниных и подобных вразумить пораньше. Систему НТТМ и комсомольцев поставить на службу народу.

Едем и с каждой станцией всё меняется. Где сладости, где рыба копченая, и фрукты пошли. Родители чисто дети всему удивляются. Не пробовали ни абрикосов, ни персиков, да и яблок таких не видали ещё. Уговариваю чтобы не хватались за всё, дальше ещё вкуснее будет. Приключение. Вот и Сочи, вокзал. Автобус.

А это мы уже видели в кино про Хоттабыча. Вот и приехали в сказку. Будем отдыхать. Поселили нас в номере на первом этаже, но с балконом. Удобный балкончик, через него то я и ускользнул, как только мне плавки выдали. Но к морю не бегу, мамины нервы берегу. Чинно на лавочке жду. Детей тут есть, пригодится посылочка.

Вон и мои по главной лестнице спускаются. Сплошной восторг и удивление. В кино попали. Кино про передовиков производства в полный рост. Заслуженно, не абы какие партийцы. Хотя и среди них есть люди дельные, особенно что по моложе и пропагандой товарища Сулова не перегруженные. Голову если делом занять, то в ней ни дурные мысли не задерживаются, ни штампы кондовые не внедряются. Потому как критично мыслит такая голова. Вот м мама пообтесалась в интеллектуальной среде. Теперь совсем по-другому газеты и телевизор воспринимает. Посчитала сама расходы большого завода, сопоставила планы и факты. Ну вот опять не туда потянуло. Пять мне или пятьдесят пять?

Когда же самокаты, велосипеды приедут? Вот тут мы и дадим стране пример творчества и народного потребления. А народу сейчас больше 230 миллионов, а из них дошкольников и младших школьников. Хотя Якутия, Чукотка и большая часть севера на велосипедах не часто ездит.

Видят родители какой у нас тренер и на третий день мы уже сами на пляже собираемся.

Результат на лицо. Все уверенно на воде держатся и спокойно метров на 20 заплывают.

А после обеда у нас в номере на столе записка, посылка пришла.

Одеваемся и идем принимать.

...

Нам выделили комнатку, куда мы все и разложили.

На следующей тренировке объявляю «у кого боязни гаечных ключей и масла нет, приглашаю поработать и отдохнуть. Сбор после тихого часа»

— А что делать?

— Велики и самокаты собрать и кататься.

— Много их?

— Нам хватит и останется.

— А если вместо тихого?

— Не, жара, да и устали, решает Володя Буре, самый старший. А мне найдется аппарат?

— Придумаем, наверное.

Тут нас разбирают родители и на обед. Собрались видно, что никто не спал, но выдержали. Только без десяти два начали собираться. Мы с батей чуть раньше подошли. Разложили всё рядком у двери и инструменты на дощечке.

— Ухты, это Вова Сальников пришел первым, так нам и завтра не покататься.

— Глаза бояться, руки делают, — подбадривает папка.

— Ну пловец, будущий олимпийский чемпион, выбирай на чём поедешь?

— Самокат вон тот с сидушкой я на двухколесном еще не освоился.

Накидываем колеса, подгоняем руль, затягивай гайки и на контроль.

А тренер наш уже тут как тут.

— Ну и как мне с этим пособится?

— Да, наверное, придется за помощью обращаться. Сына, а сходите к сантехникам, вон там за углом мастерская. Попросите трубу на три четверти, посвежее, а может нержавейка будет и завальцуйте гайку на двенадцать с одного конца.

— Идем, Володя, а то мне росту не хватит.

— Ну авторитет от роста не зависит

— Пока его заработаешь, а покататься уже хочется.

Дядьки правильные оказались, и Вова был убедителен, но всё равно, послали делегата до нашего шалаша.

Умаялись все не слабо, но по номерам разъезжались на своих колесах.

— Слав, откуда такое богатство, спрашивает дядя Витя самый молодой из мастеров, пока мы у них в мастерской масло отмывали.

— Это наша продукция, малой вон придумал, а как запустили цех, нас путевкой и поощрили.

— Твой шкет придумал, сам.

— Идеи его, ну и я подправил, в чем сосед помог, ну а потом и пошло.

— А мой знай только по чужим огородам шнырит.

— Приводи к нам, пристроим, еще пара аппаратов осталась.

— Так казенные?

— Не страшно, договоримся и по закрытию сезона спишешь и по остаточной стоимости выкупишь у родного санатория.

— Эк у тебя как просто.

— А что работаешь плохо, не поощрит директор? Так постарайся и малой себя покажет. Мы то свои деньки отдохнем и на работу, а за техникой пригляд нужен. Ставка не положена, а малец под твоим приглядом справится за интерес. Смекаешь, инициатива имеет инициатора. А ты с того поимеешь сына под приглядом и при деле.

Ржут дядьки, и я подхватываю. Вот так малыми шажками, кругами и надо распространять.

После ужина мы еще немного покатались в сосновой роще, там уже никто не отдыхает и еще не прогуливается. Дух стоит, хоть пей. Шишки с дяди Ванин кулак, а семечки крупнее фундука, продолговатые. Твердые жуть, камнем не разбить, а белки лущат только скорлупки летят.

— Ну что, набегались воробушки, — мама спрашивает.

— Хорошо, как тут и ребята замечательные.

— Что сегодня нового узнал?

— Кроль, стиль плавания такой, как саженками, только быстрее.

— Не надоело ещё Володе с вами возится?

— Нет, он говорит, полезно со стороны понаблюдать и на чужих ошибках поучиться. А сегодня мы с папкой ребят учили самокаты собирать. Он говорит, чем раньше начнут с техникой обращаться, тем большему научатся.

Ма, а можно я в тихий час в сосновой аллее посплю, там так духмяно?

— Меня с собой возьмешь? Мне тоже интересно.

— Не жёстко на лежаке будет?

— Возьмем покрывало с кровати.

— Давай, а папку?

— У него с мастерами местными какие-то дела. В другой раз его позовём.

Вот и пошло у нас. После завтрака и до обеда плаваем, самую жару спим, а потом гоняем и поломки исправляем.

Васька тоже, он теперь с утра приходит и плавает с нами и ключ от кладовки у него есть.

Гоняем мы по набережной на скорость, а по главной лестнице спускаются дядечка с тетенькой, чем-то на баЗину похожей под ручку. Остановились, нас пропустили. А я отстал немного, подкатываю, ба.

— Здравствуйте Леонид Ильич, — бодренько так здороваюсь.

— Здравствуй, пострел, — поднимает бровь Генсек. — Кой тебе годик?

— Шестой пошёл, — не теряюсь с ответом.

— И мамка тебя одного отпускает? — это уже первая дама.

— Так я не один, с друзьями, они как раз все и собрались. — здороваются наперебой.

— Здравствуйте, а что это у вас за транспорт такой? — интересуется Ильич.

— Товары народного потребления, выпускает Владимирский тракторный, — не лезу за словом в карман.

— Ишь ты, вот вроде задачу ставили, а уже продукция.

— Не, долго, почти два года на конвейер ставили, — вздыхаю я. — Много работы было.

— А ты откуда всё знаешь? — брови Генсека приподнимаются.

— Папа мой замначцеха этого.

— И что всем таких наделаете? — снова Виктория уточняет.

— Это как Госплан скажет, — снова не задерживаю я. — И у нас там много всего ещё и

электрокоса и культиваторы.

— Леня, отпусти мальчишек, опять заседание устраиваешь, — останавливает расспросы жена большого начальника.

— И то верно, — Ильич спохватывается. — Как зовут тебя?

— Олег Корольков.

— После ужина приходи с родителями вон в ту беседку, чайку попьём, — Приглашает Брежнев.

— Спасибо за приглашение, придем обязательно.

И покатали мы дальше не спеша.

— Олега, это кто, Вася спрашивает.

— Брежнев, отвечает Володя Буре, генеральный секретарь ЦК КПСС.

— Да ладно, не верим.

— Он, точно, отдохнуть приехал. Что нельзя? — подначиваю ребят.

— Не, ну вы чо, сам Брежнев.

— А вон спроси у своих родителей пока все рядом.

— Серега несется к пляжу и быстро обратно.

— Батя говорит он, без балды

— Ну что за выражение.

Тут и обед приспел.

— Ма, па нас вечером на чай у моря пригласили.

— Кто?

— Виктория Петровна и Леонид Ильич.

— Кто?

— Брежневы.

— Врешь, на голубом глазу! — смеётся отец.

— Не, взаправду и мальчишки все могут подтвердить.

— С какого перепугу такая честь?

— Я сдал с потрохами и про завод, и про новую продукцию.

— Как ты говоришь, реклама и правильное продвижение?

— Сам себя не похвалишь, никто и не заметит.

— И в чем идти? — мамины печали понятны.

— Посоветуйтесь с соседками, время до ужина есть.

Мама про тихий час забыла, я один отправился дрыхнуть под соснами.

— Здравствуйте.

— Добрый вечер, проходите, давайте знакомиться, я Виктория, Лёню и так все знают, пострел ваш от уже обозначился.

— Станислав.

— А по батюшке, должность предполагает.

— Павлович.

— Александра

— Чеевна?

— Никифоровна, да как-то даже и не привычно величаться.

— Вот и славно Шурочка и Слава, а нас тоже без отчеств зовите. Наливайте чай, пробуйте пирожки. Олешка, тебе с чем?

— С самым сладким конечно, оно для мозга полезно.

— Куда уж тебе ещё, ухмыляется Ильич.

— Так я расту.

— Родители посмущались чуток, но после тетиВикиных замечаний помалу приступили к чаю.

— Нас потихоньку выпросили про дела житейские, про родню, немного про работу.

— Слав, куришь?

— Есть такое.

— Пойдем, пройдемся, подышим.

— Дядя Лёня, вы же знаете, что купить вредно, особо при нервной работе.

— Мать, смотри молодежь пошла, что Галка, что Юра, а?

— А врачи тебе что говорят.

— Всё, закрыли прения идем Палыч, обсудим производственные вопросы.

— Олежка, иди побегай, утряси пирожки.

— А можно я потом вон тех с персиками под молочко?

— А осилишь?

— А как побегаю, то запросто.

— Шустрый какой

— Да Виктория Петровна, хороводит всех, до кого доберется.

— Так и всех?

— Брата надоумил статьи писать для дошколят про электричество. Моего брата, младшего. Сестренку мою подначивает учиться и про моды всякие.

— А платишко то кто пошил?

— Мы с мамой и с Валюшкой, не поверите с детских бумажных кукол кроить начали.

— Пострел надоумил?

— Чего говорит мучится, да ткань переводить, с бумаги начинайте.

— Ловок

— Не то слово, соседа сговорил сыновей в музыкалку отправить, видано ли с кирпичного и в музыкалку?

— Откуда?

— Мы до Владимира в Лакинске жили, тридцать километров в Московскую сторону, на кирпичном заводе оба работали. Так весь конец по заводу и зовут.

— А как на тракторный попали?

— Так вон, сыну самокат сделали. Они с отцом конструкцию, Валентина покрасила, сосед сидушку пошил, брат мой двоюродный увидел, на заводе рассказал, а оно им в строку. Так и покатилося.

— А брат кем служит?

— Секретарем в обкоме, Колчин Иван Степанович.

— И давно?

— Два года в ноябре будет.

— В три года отца убедил?

— Да он у нас заговорил ещё ходил по стенке.

— Голый разум!

— Мама так же говорит.

— Есть по кому.

— Даже и не знаю

— Слава то какого года? 33?

— 36.

— Учился где?

— Московский машиностроительный техникум, заочно закончил.

— И уже зам? Наш Юра на три года постарше, вот только начальником отдела стал.

Учился много. Зря я Лёню послушала, давно его надо было на работу.

— Тут уж кто чему учился

— А сама как? Учишься?

— На экономиста, тоже заочно.

— А мальчик?

— В садике, вечером с отцом управляются да придумывают всякое. Когда и позже меня придут с завода.

— Куда ж ребенка на завод тащить, ему бегать, играть. А вот такие у них игры.

— Набегаться он успевает, спит до утра.

Папку похоже тоже неслабо выспросили. Ну да нам скрывать нечего. Пирожки обалденные, да под парное молочко, лучшее снотворное для растущего организма. Я так потихоньку у мамы на коленях и придремал.

— Угомонился ваш воробушек. Эвон сколько начирикал.

— Он еще больше нарисовать может.

— Читает?

— Математический справочник, Мурзилку и Кругозор.

— В таком порядке?

— Именно, в последнем статьи шурина печатают.

— Ну вот, а ты Саша говоришь в кого?

— О чем это вы, поинтересовался Ильич?

— Да все о нем, спящем.

— Пусть спит. У них день распланирован, чихнуть некогда.

— Вот смотри, у кого учиться надо, а то у вас то заседание, то комитет, то пленум.

— Всё, завтра по распорядку молодежи. Море, тихий час, Слава велосипед сделаем?

— Не конструктивный подход, не успеем. Предлагаю просто купить. А то какой это отдых, лисапеты строить.

Все тихонько похихикали, чтобы ребенка не будить. Смех, смехом, а назавтра так и было. Пока мы бултыхались в кладовке два велика образовались, а после тихого часа и четверо ездовых прибавилось. Где вы Генсека на велосипеде видели, да еще и с эскортом малолетних самокатчиков.

— Правда, дышалки нет. Поменьше курить надо. Палыч ты как?

— Руками и ногами за.

— Утром приходите плавать. Володя вам разминку покажет и дыхательные упражнения.

— Да, на ходу подметки рвет.

— А тетенок принимают?

— Всенепременно и даже приглашают.

Чемпионов начинают растить с трех — четырёх лет. Старше если только большой талант проклюнется. Из тутошней команды многие на грани. Про пловцов я уже знаю, тренер и отец чемпионов и олимпийский чемпион.

Если не упустить, многие таланты откроются. Опять-таки и многогранные встречаются нередко. Особенности тоже учитывать надо. Мне вот механика сперва интересна была, потом остальная физика до твердого тела включительно. На этой основе радио прижилось, дядькиным примером и помощью. Позже нолики и единички по проводам забегали, другое железо в ход пошло, ну и программирование пришло. И сам кодил и задачи ставил и командой порулить пришлось. Если рукой водить, то нужно знать, то дело. Как отец от станка и баранки до завгара в прошлой жизни и теперь вот. Командиров ведь тоже не с кондачка ставят. Мат часть знать строго обязательно. Это вам не эффективные менеджеры. Или теперешние комсомольские и партийные вожаки. Совпартшкола дело нужное, но высшее образование обязательно. Понятно, что ровесники века такой возможности не все имели. То революции, то войны. Особенно Великая сильно активное население проредила. В тылу конечно не все отсиживались и на фронте не только таланты погибли. И ведь не только строить и создавать, пример подать некому. Пенсионеров как таковых раз и обчелся. Вон Брежневу шестьдесят два, на два года старше нашего Павла Захарыча так ведь тот в первый месяц и погиб. Вот тебе и арифметика.

Потому воспитанию молодежи наибольшее внимание. Октябрята хорошо, но и дошкольников надо охватить и не одной пропагандой. Даже комсомольцев и тех к восьмидесятым пережали и перегрели. Пар стравливать некуда было. А ведь и физиологию, и гормональные взрывы у обоих полов учитывать необходимо. Одним ГТО тут не обойтись. Не за просто так при царском прижиме балы для молодежи устраивали. Школьных выпускных никак недостаточно.

Ну до этого мне ещё семь верст до небес, а пока отдыхаем.

Ильич вполне себе нормальный дед оказался, даже поговорчивее нашего дед Степы. Вову Буре за тренера признал. Все упражнения выполняет, рекомендации принимает. Ценит специалиста. Но стиль ему не поставит, Тренер сразу сказал, всё уже закрепилось. Плавает Ильич как морж, точнее морской лев, отфыркивается и прёт как ледокол. Рядом дядя Володя Медведев, лучший пловец из охраны. Мы вокруг мелкими рыбешками гомозимся. Женщины наособицу, плещутся, разговоры разводят. Папаньке с нами скучно. Шуранул за буйки и не видать его. Я, когда взрослым был тоже так делал. Плынешь размышляешь, никто не мешает.

Под соснами тоже спать замечательно. Брежневы тоже просекли фишку. Но они в своем закутке и охрана недреманная вокруг.

Глядя на нас и волейболисты активизировались и другие разные спортсмены. Новосибирские с Харьковскими особенно ярые. Очень профессионально играют, хотя все математики, да электронщики. Вот бы им идеек подкинуть, попрогрессрствовать. Но никак, все молодые бездетные, а мне даже мяч не подать грамотно. А может и к лучшему, без своих шишек никак разработка вычислительной техники не пойдет. Да и зачем тем же путем двигаться. Руководство санатория ещё велосипедов прикупило. У Васьки теперь забота и расписание на двери висит табличка, когда сдача выдача. Ответственный Алексеенко В.В. десять лет парню, серьезный, аккуратный. Обедает в столовой со всем дежурным

персоналом. Завхоз не нарадуется, Викторовичем кличет.

Отдых активный пошёл. Да не у всех, один «сталевар» из столовой на лежак, с лежака на ужин. Даже в море раза не окунулся. Главврач его на заметку взял. Партиец оказался.

Быстро время летит. Завтра вечером наш тренер уезжает. У них с мамой путевка закончилась. Мы как взрослые адресами обменялись. Я папкину визитку ему вручил. Тут это невидаль. На обратной стороне чертежным шрифтом написал: Олег Корольков — самородок. Все похихикали, но запомнили. Когда мы на ужин пришли директор санатория Володе грамоту вручил за укрепление здоровья отдыхающих и воспитание подрастающего поколения. Там и Брежнев надписал от себя «Лучшему тренеру по плаванию» Вовину маму тоже поздравили.

На следующий день с утра всё по распорядку. А вместо тихого часа с Васей Алексеенко и его отцом дядей Витей идем к плотникам. У меня еще идея Фикс прорезалась. Нужны фанера, петли, стекла. Эскиз с размерами у меня уже готов. Детализовка простая. Лампочки мы уже нашли батарейка не вопрос, вот выключатель маленький, задача. Но оказалось не страшная, электрики тут же за стенкой, выручили и лампочки другие подогнали продолговатые и тоненькие, в полсантиметра диаметром. Светодиодов нет ещё. Для отделки бумагу использую. Ну и ватман до кучи. Фанерный ноутбук, такое ещё и Джобсу не снилось, хотя он и постарше.

Конкретно завис с раскладкой. Дальше ЙЦУКЕН никак. Все равно на машинке печатать. В канцелярию идти, там на машинке все и отобью. Потом обведу пожирнее. Хотя может машинистка сама подскажет. Микросхемы просто расчерчу и назначение всех подпишем. Плакат блок— схему с расшифровками, хорошо бы сделать. Что за АЛУ, ОЗУ и ППЗУ? Тут кроме меня может с десятков самых крупных учёных такое раскумекают. Но не успеть. Так методичку накопаю и в макет вложу.

А блок — схемы процессора, памяти и рисовать пока не надо. Одной красивой коробочкой только внимание привлечь. Остальное позже.

Озадачил взрослых дяденек, ну не один понятно. Они работают, а я батю к секретарям. Мы, когда посылку заводскую получали познакомились. Вот и пригодилось. Я текстовки выдал и объяснил, что по чем.

Потом как всегда гонки, хотя у меня другие задачи. Мне время для презентации застолбить.

Мои впереди катят, отстал немного к старшему поколению поближе

— Дядя Лёня, а завтра вечером чай пить будем?

— Событие какое или пирожки вкусные?

— А ты догада. И то и другое.

— Просветишь?

— Неа, сюрприз хочу сделать, приятный. Нам же скоро домой, отпуск заканчивается.

— Сюрприз дело хорошее. Ставим мероприятие в повестку завтрашнего вечера. Вика, одобряешь?

— Единогласно!

Дальше степенно катим светскую беседу ведем кем быть хочу, как с бабушками управляюсь, это уже Петровна ведет. Сегодня день забот, но график держим.

А неплохо серебрянка легла. Космический дизайн, однако. Что бы ещё на тачпад приклеить? Тут не только вид и тактильно все должно уровень задавать. Будет экран пока чёрно — белый. Между двумя стеклами листочек с текстом. Лампочки по кругу, спаяли всё

на совесть. В корпус сложили. В нижней части батарейка и картонка с псевдомикросхемами. Все крышки открываются всё видно и доступно. Клавиатура плёночная из полиэтилена. Бугорки над буквами и щелкают. Буквы и значки на бумаге отпечатаны. Вид ничего так себе приличный. Успели до обеда, даже тихий час был, правда с плавания я сбежал рано.

Теперь мы сами плаваем, совершенствуемся. Ильич отбился от нашей кучи, с Медведевым и моим папкой подолгу плавают и лодка за ними. Вот парни на веслах накачаются.

Когда у дяди Володи свободное время они с отцом в шахматы режутся и байки травят. Азартные оба жуть. Такие блицы закатывают, что только анекдоты и сказывать.

Ужин спокойно прошел, я весь такой задумчивый, родители даже удивились, но я им про презентацию прояснил окончательно. Вот мы и снова в узком кругу. Сначала церемония. Стол немного освобождаем, и я разворачиваю новое изделие.

На верхней крышке написано Наيري — V.

Открываю крышку и поворачиваю к первому лицу. Нажимаю выключатель. На экране светится:

УМКА(Umca)

Универсальный малый компьютер адаптирующийся
(Universal mini computer adaptive)

И медвежонок забавный, симпатичный в уголке.

Начинаю объяснять:

Универсальный значит для многих работ применяться может. Например бухгалтеру баланс свести.

Ученому — физику расчеты сделать. Писателю поможет, а художнику придется подождать, к его работе еще адаптировать устройство и нужно. Кисть или карандаш подключить и настроить для нужной работы. Хотя можно и с помощью палочки рисовать, вожу по тачпаду, только неудобно это.

А компьютер — значит вычислитель. Чтобы во всем мире понятно было. Мы же не только для себя будем такие чемоданчики делать.

С тройным дном название и с намеком на экспорт, типа чтобы всем понятно.

Выключил, закрыл, переворачиваю вверх ногами открываю нижнюю крышку, объясняю что зачем и про батарейки, что размером большие, а энергии в них мало.

— Так, давай теперь я сам попробую, — открыл Ильич крышку, включил подсветку. — Вот ты тут много наговорил, а про генсека ни словечка, мне может для работы больше всех такая машина нужна?

— Дядя Лёня, ты меня не разочаровывай, ладно? Вчера вон влет схватил идею, а тут что? Я кому сюрприз готовил? Кому первому показал?

— Уболтал, принимается. Объясняй дальше.

— Не, я сначала попрошу, можно?

— Валяй, все вы норовите чего выпросить, вон вас сколько, а Леонид Ильич один и помощников у него не так и много.

— Не прибедряйся, боишься не справишься, — подначивает супруга.

— Ладно, валяй.

— Хочу настоящую вычислительную машину вот в таком вот чемоданчике, когда в шестой класс пойду.

— Ну, время конечно есть, только один вопрос, можно?

— Хоть три отвечаю.

— Кто нам такую машинку разработает?

— Грачья Овсеян, он в Ереване работает, уже малую машину сделал, она со стол размером и на ней даже школьники работать могут, мне дядя Женя рассказывал. Он её на выставке видел и даже задачу ей задал

$2 \times 2 =$ а она ему напечатала, «Сам дурак», ну вроде как зачем к серьезной машине пристаешь с пустяками.

— Так и написала?

— Ага, у нее для этого пишущая машинка есть.

— Было такое, Громыко рассказывал. Значит можно вместо стола вот в такой чемоданчик всё спрятать?

— Можно, но не сразу, ему помощь понадобится

— Ладно, постараемся, а чем же это штука мне поможет?

— Да много чем, вот что тебе на работе делать приходится? Перечисляй, а я объяснять буду.

— Документы читать — запросто.

— А подписывать? А доверишь?

— Нет, пожалуй, вдруг батарейка сядет, — задумывается генсек.

— А речь написать для выступления? — наседаю я. — Даже подсказывать потихоньку на ушко научиться.

А потом, когда их много будет, мы их через телефон соединять будем, вот, например, надо будет нам узнать, как с выполнением плана по хлопку, мы товарищам в Узбекистан пишем и они нам в ответ полный расклад по районам, а мы в Госплан запрос на проверку и через день у нас вся картина и никаких приписок как сейчас.

— Ну хватил, тут такая прорва народу над этими годами работает, а у тебя за день всё, не верится.

— Ну дак ты ж не Станиславский.

Похохотали немножко, а я им про Лебедева напомнил и про Китова.

Ведь если на каждом предприятии и в каждом хозяйстве такой аппарат будет, и он сможет напрямую в нужное Министерство докладывать? А в министерствах и в Госплане будут побольше машины, только не такие как сейчас, а пошустрее, они все письма соберут, рассортируют и по книгам разнесут.

— Так что люди без работы останутся?

— А вот и нетушки, люди будут годовой работать, а не бумажки перекладывать, а чья работа не нужной станет, переучатся на новую, те же ЭВМ обучать.

— Это что их ещё и учить?

— А как же, неуч много ли наработает, но они хваткие, быстро выучатся и друг друга учить будут, вот дядя Овсеян уже придумал как это делать, что его техника уже шутить умеет.

— Подожди, папа мой вступает, раз твои ЭВМ такие умные, да друг с другом сговорятся, да учить друг друга будут? Не взбунтуются ли они? Как у Чапека роботы.

Ещё помню фильм был «Гибель сенсации», там капиталисты управление роботами перехватили, делов натворили.

— А дядя Володя у нас на что? Киваю на охрану, про первого робота знаешь, которого Мацкевич построил? В 36 м. Много он набунтовал?

— Забавная была машинка, только его зашпыняли потом, руку он поднимал как в гитлеровском приветствии.

— Вот от таких шпыняльщиков и беда.

Вот так бурно посидели, но режим нарушать нельзя, а у меня и не выйдет, отбой у меня на автомате происходит, без сбоев.

Так вот и отдыхаем, активно.

И наше время подошло, двадцать один день как корова слизнула. И ещё раз нас на посиделки позвали.

Ильич посвежел, видно, что отдохнул, подлечился опять же.

— Да, жалко внучка Андрюшку с собой не взяли, вздыхает тетя Вика, побегал бы с ребятами.

— Ничего, на следующий год в Крым поедem, в Нижнюю Ореанду.

Что молодежь, приедете к нам в гости?

— Это как отпуск будет, — отвечает мама.

— Будет Шурочка, не беспокойся, — и подмигивает мужу тетя Вика.

А я понемножку фрукты точу, яблоки, груши.

— Ну что Олежка, дал я задание в Ереван, в декабре будет у твоего протеже отпуск, приедет он в Москву и Вас вызовем, обсудим, будут ещё компетентные товарищи, сам понимаешь, с бухты барахты такие вопросы не решаются.

— Перетрем и с компетентными, только ведь им я

Догнать и перегнать надо, а мы то хотим новое направление задать, техническую революцию поднять. Откуда ещё такому взяться, как не в социалистическом государстве? Они вон и Наири хотели копией французского арифмометра видеть, да наши ребята извернулись, форму выдержали, а содержание в сто раз лучше сделали. А тут и форма передовая. Не человек должен быть для машины, а машина для Человека.

Ну спустил я пар и постарался тему перевести, негоже вождя перегружать. Пошел разговор житейский.

Маму про семью выспрашивают, отца про завод, про технику. Про автомобили Ильич всегда готов обсудить. Папка ему за народ разъясняет, что мало машин продают и выбора нет, Запорожец да Москвич. Кому мол и Волги мало, а лесовикам, рыболовам УАЗики подавай. Опять же молодежь, которая хорошо зарабатывает хочет совсем другой техники, не всем мотоциклы нужны и опять тех не лишку выбора. Генсек напирает, мол не хватает на все сил и средств. Папка ему в ответ про троцкизм. Ильич набычился было, но наш ему грамотно разложил по деньгам и по последствиям. Благо опыт есть и материал он после своего начальника перешерстил. Тетя Вика тоже впряглась и по Сулову прошла и по комсомольцам. Монголию и Китай «добрым словом» помянули. Мама вдогон их тушёнку помянула.

Дед вроде начал голос повышать, да допетрил что аргументы и логика не за него играют. И не его решения, а со стороны подошедшие. Я про семидневную войну и пленум пяточок вставил, а сам знай хурму отборную ложечкой вычищаю, как бы я тут и не причем. Инжир обнаружил, люблю я его. Прагу помянул вскользь. Забуксовал Леонид наш свет Ильич. Притих, чай пьет, а мозги работают, отдохнувшие шестеренки хорошо крутятся. Вышел покурить. Вернулся с блокнотом. Черкает чего — то, губами шевелит. Пропагандистов поминает, Бовин тоже промелькнул, но в положительном тоне. Тут уж даже тетеньки наши тон и скорость сбавили. Я ещё визитку Виктории отдаю, только на обороте

написано: «Шурочка, замечательная мама шустрого воробушка». И воробушек тут как тут, лукавый такой в стиле Бидструпа нарисован. Сам то я тот ещё перец, конопатый, лопухий и улыбка при малейшем намёке тут как тут.

— Лень, глянь, — и мои художества показывает.

Хмыкнул Ильич, показал карандашом, погоди мол. Дописал мысль и вопросительных знаков наставил.

— Дайка, ну пострел.

— Дядя Лёня, баНастя говорит, сам себя не похвалишь, никто и не заметит.

Тут уж все залились, даже охрана похохатывать стала.

— Скромность тебя не заест.

— Так я мужчина или так, погулять вышел? И зачем мужику украшения?

— Это о чём?

— О скромности, она говорят украшает.

Новый взрыв хохота.

— Ой мужичок с ноготок, тискает меня хозяйка, ну врезал тебе Ленька за твои цацки, всё Буденного норовишь переплюнуть.

Теперь и генсек залился.

А я тихонечко так, по фруктам, маленький я ещё, что с меня взять, хотя чьими там устами. Вот-вот, язык тот ещё инструмент.

Вон уже будущий генерал Вододя маячит, по часам постукивает, режим. Ильич видит, сквозь смех отмашку дает, ничего отоспимся.

Такой вот человечный человек Леонид Ильич Брежнев в кругу простых советских людей с которыми и поговорить можно, и посмеяться от души. Ну не самых простых и одного давно не советского. Может потому так разговор и идёт, как будто и не было про политику. Опять житейские дела, мужчины опять про технику, я тоже свои копеечки подбрасываю. Ильич теперь меньше спорит, больше переспрашивает и в блокнотик чиркает. Свои темы выводит, нас подталкивает. Ну и, как водится, желудок у меня отяжелел, за пищевод потянул, глазыньки то и закрылись.

— Ну вот опять умаялся сердешный, политика для детей вредна, Лёня. Да и для взрослых сплошная головная боль.

А наутро, после зарядки, купания и завтрака нас старший лейтенант Медведев отвёз на вокзал. Очень кстати, а то нам Васька с отцом такую корзину яблок притаранили, вдвоем тащить и ещё коробка, закрытая сказали до дома не открывать.

Обратно ехать ещё интереснее и места новые посмотрели и впечатлениями обменялись. Попутчики опять же веселые, загорелые из отпуска возвращаются.

О судьбах человечества хорошо рассуждать,
лежа на диване, когда тебе лично ничто
не угрожает. Но когда радикальные перемены
в обществе затрагивают твое благополучие,
то ни о чем другом, кроме
собственной судьбы, не думаешь.
Забирко Виталий. «Мы пришли с миром»

В ящичке грецкие орехи оказались и зеленые ягоды чудные, переложённые курагой. Письмо от Васьки тоже было. Ну грамотей, для третьего класса позорище такие ошибки лепить.

Вот ведь как получается. Если всё сложить мне уже 57 выходит. А живу ребенком и толи так шифроваться уже привык, толи бытие определяет? Но никто на меня не косится. Хотя окружение то еще подобралось, да и карьерный рост родителей вопросы снимает. Многие жизнь тратят на такие прыжки. А всего то и надо светлую голову, и готовность к переменам.

Я то и так знал про фейхоа, но палиться не стал. Прочитал маме что почем. Мясорубку тоже вертел. Качаю мышцы. Я чистую физкультуру и по прошлому разу не жаловал. Больше нравится функционально.

Воду носить, огород копать, дрова пилить — колоть. Транспорт тоже избирательно использую. Лифт ниже 10 этажа в принципе не понимаю. Велосипед наше всё. Поэтому, наверное, и закутилось всё с самоката.

Хорошо получилось, завтра суббота к бабушкам рванем с гостинцами, они ещё не пробовали такого. На электричке поехали. В окошко гляжу, листья разноцветные, трава пожелтела уже. Лужицы после вчерашнего дождя не высохли. Завтра отцу днюха, тридцать два стукнет, где же мои тридцать два и два года до нового тысячелетия. Помню, но тут не время.

Не поэт, не музыкант, инженер, нравится. Следующий раз уже в новом доме справлять будем. Со станции святое дело родичей проведать зашли. Так ненадолго, вареньем похвалиться. И домой. БаНастя заценила сладкости, похвалила. Вале много не дали. Не останови, всё подчистит, они с мамкой знатные сладкоежки. Женя в сарайке моцик обихаживает. С вечера пригнал. Движок перебирает ну, и я помогаю как могу. Вот незамысловатая же штука мотоцикл. А пользы и удовольствия вагон. Опасно, не без того. Ну так человеку голова на что дадена? Дядька у меня аккуратный, расчётливый. Может и нарушить чутка, если без риска.

Про генсека рассказал, как отдохали. Не верит, сбегал у отца переспросил. Тот добавил про плавание и про мою поделку. Опять спор пошел, какие такие мелкие схемы, да какой такие сложности. Пришлось разъяснять, про расчёты, чертежи. Время то мол не резиновое, спать тоже надо. Ну про мое поспать тоже прошлись. В общем хорошо на троих пообщались.

Назавтра гостей не звали. Все свои. Тома только зашла, брата поздравила и убежала по подружкам. БаЛюба вздыхает, прощальный Пашин подарок. Ну не тот раз, праздник у нас.

Бабушки наливками расстарались. Градусов не много, даже Жене налили. Отец и на то

не налегал. Не в тему ему выпивать, других дел хватает. Мать с тёщей не нарадуются. Другой мужик стал. Женя про машину спрашивает. Отложили пока, дом обживем, а там и подумаем. Да и Запор нам уже не солидно, а до Жигулей ещё долго, ещё даже разговоры не начали. Ну это я так, о своем. Никому про будущее особенно не заговариваю.

После обеда братья Борзовы заявили с гармошкой и балалайкой. Высвистали меня на улицу. Батю пришли поздравить. Бегу в дом зову всех на улицу, благо погода позволяют.

Прикиньте Happy birthday на таких инструментах. Тут такого не знают, откуда кореша взяли?

С днём рождения

Дядя Слава

С днём рождения

Тебя.

Я подпел конечно. Потом они плясовую вдарили. Жалко места нет, в бараке то мы бы развернулись. Но и так весело. Мамки, бабки музыкантов затискали, за стол потащили угощать. Расспрашивали про учебу. Потом я их провожать пошёл.

— Откуда песня? — интересуюсь у музыкантов.

— Училка подсказала, — обыденно отмахнулся Серёга. — Мы ещё и английский зубаем.

— Ваще, а это накой? — подковыриваю. — Раньше вам не особо что кроме драчек было интересно.

— Для музыки, Битлов знаешь?

— Естедей, я слов не помню, трам пампам, но так люблю я Леннона. Да да да, — дурачусь в ответ.

— Нука, давай еще напой, — встревает младший. — Мы подхватим.

Сели у сарайки на чурочках, музицируем, я слова вспоминаю. Прикольно выходит.

БабНастя пошла скотину кормить, послушала, подошла. Забрала у Борьки балалайку, подстроила.

— Как по-нашему то будет?

— Надысь (вчера), — отвечаю. Не отвык ещё от местных говоров в большом городе.

— Ага, поди с девкой разругался и воет как кошка подзаборный?

— Ба, ты тоже по английски шпрехаешь?

— Не, песня душевная. Серёня, на три вступаешь. Олежка запевай.

И мы дали

Я со второго куплета на русский перешёл.

Да, вчера,

Казалось, что наша любовь— игра,

А теперь дожить бы до утра.

Как не хватает мне Вчера. (автор перевода Rust)

<https://youtu.be/E3MB2f2EYfk> или вот так)

Пока мы тут распевались, и зрители набежали. Свистят, хлопают. На бис уже чисто молодежным составом пошли. Колька на ведре барабанит, тетка на подпевках. Подтанцовка малолетняя образовалась. А не запустить еще и ламбаду? Зову бабушку, она быстрее схватывает. Получается примерно так <https://youtu.be/77MEiauvY5M>

Серёга с гармошкой подтягивается. Коля ещё ведерко надыбал. Пока музыканты сыгрываются собираю малышню. Как жаль, что мультик про Катерок только через два года

выйдет, через Чунгу — Чангу махом бы всё разъяснилось. Но и так хорошо пошло. Дети быстро такое схватывают. Полчаса и пошел хоровод. Малые пару кругов прошли, потом первоклашки проснулись. Оркестрик наш забойный стоять не дает. Валя товарок сгношила, вторая змейка пошла. К ней и комсомолки прицепом, вот тут уже есть на что глянуть. Вот такой день рождения получился веселый. Жаль темнеет рано. Рейтинг у Борзовых зашкаливает, теперь танцы будут чаще. А я опять за столом уснул.

Утром просыпаюсь в кресле. Мне такую хитрую лежанку организовали. Иначе не разместиться. Ладно Женя к друзьям ушел, ну как он сказал.

Отца на неделю отправляют в Ковров по обмену опытом. Ну а так как идейный вождь таки я то и меня тоже. Шучу конечно. Нам собраться, только подпоясаться. Просто у мамы работы много и учеба. Я со многими делами спокойно управляюсь. Но есть нюансы. Выйдешь со двора общежития и начинается. Бабушки сердобольные, регулировщик на перекрестке. Хорошо в садике я не один такой, привыкли уже. Хотя пропуск на завод только у меня. Не книжечка — карточка в полиэтилен запаянная. на ремешке на шею одевается. У всего нашего цеха такие. Экспериментальные, химзавод обещает пластиковые, вот только фото у них пока газетного качества, но на следующий год нормальные должны сделать, вот тогда я им про шприккоды идейку подкину. Хотя рано. Не зря же они с 50х годов существуют, а широко применяются стали только в 80х.

Лазеры твердотельные нужны и соответственно обрабатывающая информация техника.

А вот штуки типа перцептрона и заводские КИПовцы собрать смогут. Как бы еще эту информацию рассортировать и на перфоленту или карты набить, чтобы сразу в расчет сдавать. Тут Наири с перфоратором требуется. Перфоратор, это не то чем стены дырявят, эта штука размером с чемодан бумажную ленточку пробивает, данные заносит. А эта типа персоналка. Все бы обрабатывала, потоком.

Потому, пока едем, на электричке в блокноте черкаюсь. Сначала закодировать подразделения, табельные номера есть.

Время до минут нужно фиксировать, много данных получается.

— О чем задумывался детинушка?

— Как табельщикам и расчетчикам работу облегчить. Бумагу опять же сэкономить. Человек же заработанное получать должен. Тут же учет и планирование. Генри Форд же не с кондачка 8 часовой рабочий день установил. Посчитали экономисты что производительность труда снижается и усталость накапливается. А квалифицированного рабочего враз не заменишь. А тут может и еще день сократить в литейке и на покраске. А то в мамкин отдел эти ведомости охапками носят.

— А если как Термен для Ворошилова телекамеры ставил.

Ишь какой у меня отец эрудированный, не только про футбол кроме своих тракторных игрушек читает.

— Не, тут систему распознавания лиц нужно, а для неё агрегат в нашу комнату выйдет. А у нас ещё на Феликсах считают. Можно Наири приспособить, но вряд ли, да и маловато их выпускают.

Это все потом. Главное люди. Это сейчас мы дошкольники и первоклашки, а всего через 30–40 лет нам страну держать. И не танками и ракетами. Людьюми, они покрепче будут, а ведь вышло наоборот. Ни танки, ни ракеты ни стены не удержали. А как хорошо всё идёт, вот и расслабились. А деды рады что живы и думают, что так и будет. Дети их, властной верхушки сидят на ключевых стульях и аксакалам в рот смотрят. А не «свои» и те, кто хочет

нового хорошо если не замечаются, то и на контроле в конторе глубинного бурения или вон таких из партии. Те, кто воевал, отдельный разговор, другое понимание жизни, но и они по большей части за мир, дружбу и стабильность. Или родители, те кто войну увидели нашими ровесниками, голод, плен и эвакуацию пережили. Им теперешняя жизнь первая ступенька на лестнице в небо. Они рабочие руки и головы космической эры.

Развел пафосу не продохнуть. А у дедушки Сулова такое и в страшных снах не захаживало. Он нас уже по коробочкам рассадил.

ТЬфу— тьфу как же этого избежать. Как к новому веку придти. Как счастливых ребенков вырастит яркими подростками и строителями того прекрасного будущего для следующих поколений. Не считающих бабло и не кичащихся особняками, членовозами и рванью с полных стран. Ничего хорошего с заката не приходило.

Но как? Не лидер я ни разу. Ну по прошлому разу не был. Скорее серый кардинал или замполит как Володя Буре говорил. Да мыслей и идей достаточно, но вести, рукой водить, не моё. Пробовал, честно старался, но потолка быстро достиг. Или это в той жизни надоело изворачиваться. Подлизываться и прогибаться не хотел, да и не мог. Да и сейчас на деле без этого почти никак. На словах то молодым у нас дорога. Вот только чем мы свои дороги мостить будем?

Будь ты хоть четырежды Ферма, в лучшем случае будешь третьим соавтором Гельфанда и Колмогорова. Лысенковщину тоже только на словах изжили. А что в технике твориться, того же Овсепяна взять. Калашников отдельная тема, да вообще, «авторитетность» и авторитарность страшное зло.

Но об этом я подумаю завтра. Не положено пятилетним так смьшлять. Действительно физический возраст корректирует старое сознание. То из штанов выпрыгиваю от радости, то за языком не слежу. Хотя тут больше воспитание и характер вылазят.

И вот нас позвали на Новый год в Москву. Хитро так позвали, Владимир Медведев, позвонил папкиному начальнику, ага с просьбой откомандировать Корольковых С.П и А.Н в Москву в распоряжение Минсельхозмаша на 20–31 декабря 1968 года. От имени Замминистра.

Такая себе конспирация только вопросов вызвала кучу, но отбрехались понемногу и вот Двадцатого с последней электричкой катим в Первопрестольную. На Курском я сразу вычленяю знакомый плечистый силуэт. Взгляд— прицел чётко фиксирует новоприбывших и кивок головы над толпой направляет нас в сторону площади и характерной чёрной Волги. Поклажи у нас не много, мы уже бывалые путешественники. Пока отцы курят. Разглядываю вокзал. Прошлый раз летом я ещё не проснулся как мы в метро оказались. Вокзал я помню только тот, огромный, европейский. Москву я плохо знаю и обычно общественным транспортом пользовался, поэтому и в окна не смотрю, да и темнеет уже. А привезли нас догадайтесь куда?

Вот вот, на Кутузовский, но только поужинать и почаяевичать. И я с внуком познакомился, он тут не частый гость, но видать представить надо было. Аморфный Андрей оказался внешне и не содержательно. А чего париться? Внук генсека, он это почти открытым текстом и выдал. Вот такое у первоклассника понятие. То— то он только штаны и просиживал всю жизнь. Рыпнулся правда свою партию зарегать и то не смог. Ну и бг с ним не интересно. Тетя Вика нас по полной заугощала. Отцы чего — то за политику ударили. Папашка Ильича про Прагу запытал слегка. Вот откуда у него способности к многофакторному анализу, умение читать между строк и раскладывать по полочкам то что его непосредственно и не касается? Ну что у нас про Венгрию писали, что чехов касаемо? Так ведь составил мнение и до генсека донес. А ведь там наружу совсем мало просочилось, и Брежнев очень активно разруливал ситуацию, не без светлых голов конечно. Как разгребли, кто как отличился? Хотя тут походу отцовские струнки затронуло и наш безотцовщина, и Ильич уже устал от своих ждать чего дельного. Ладно Галя, что с бабы взять, но сын как сел на отделе во внешторге и всё.

И с охраной генсека он вась — вась. Ну тут может и проще, ровесники, как тот же Медведев. Вообще тридцатых годов рождения основной резерв, хоть генсеков дети, хоть наш заводской активный слой. К слову сказать, Хрущёв Сергей Никитич довольно активно у Челомея на космос работает, но это скорее исключение. Ну об этом я подумаю завтра.

Потом нас в гостиницу устроили, неподалеку. Наутро Медведев отца куда-то повез. С охраной они вась — вась еще с Сочи. Ну тут может и проще, ровесники. Мы с мамой в редакцию ЮТа ездили. С ребятами из патентного бюро пообщались. Письмо мы им давно писали с предложением по работе. Я маленько загнул про Наири, про будущее персоналок. Типа как издательское дело можно продвинуть.

Сдал Овсепяна с потрохами, что он будет в столице и неплохо бы интервью взять. Вечером меня Ильич начал грузить по компу. Как встречу готовить, кого привлечь? Кому мой макет показать? Мне показываться или посидеть в сторонке? Я ему про беседу Китова с тогда еще не генеральным, а просто секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым

И как кто больше обиделся?

— Ну немного да наврут, заразы. А так был разговор, крепкий полковник ничего не

скажешь. А вот военные на него обиделись за критику и из партии исключили и по своему ведомству отлуп дали. И кто же у нас такой говорливый?

— Не поверите, дядя Лёня, потому и говорить не буду. А прижали его потому что он им коммунизм для себя строить мешал. Они каждый для себя строили, а он по Ленински для всего народа старается.

— Дельный мужик говоришь?

— Не то слово, американцы обосрались от страха, да порадовались что его прижали.

— Чего ж сами не воспользовались, книжка то в библиотеках есть?

— Так им коммунистический путь развития поперёк горла, не могут буржуи людям на пользу что-то делать.

— А как думаешь? Он то сам обиделся? Не пойдёт на мировую? Будет в нужном направлении работать?

— Будет ему за дело душа горит, да вы его позовите, спросите.

— Нет рано. Дам задачу, соберут информацию, проанализируем, Лебедева привлечём, тот то не в обиженках пока.

— Только надо инфу через органы собирать, вот только Андропов.

— А чем тебе Юрий Владимирович не угодил?

— Да слишком домовитый, подгрёбёт под себя и дыхнуть не даст как Овсепяна те же военные прихватизировать хотят. А эти дяденьки они поважнее в масштабах всей страны сработать могут.

— Интересный ты парень, вот скажи откуда ты это всё берёшь?

— Из книг, из газет, читать я люблю, особенно про технику. Хочется мне что бы жить было хорошо. И нашей семье тоже, но не за счёт других, а вместе. Ну и наследственность. Вот Отец у меня из слесаря трактористом, теперь инженер и на заводе новый цех двести работников хорошую зарплату получают. Ребятня на наших самокатах весело гоняет и стоят они не дорого. Электрокоса опять же и другие задумки. Танки тоже нужны, но не в ущерб людям. А то они и защищать ничего не захотят, потому как мимо рта всё проходит. Вот думаешь девчонки наряжаться не любят?

— Моя уж вон бабка давно, а и то перед зеркалом горазда повертеться.

— Ну так не может она при таком муже охрюткой ходить, — выдаю дитячью мудрость.

Ржём все вместе и развиваем тему, понемногу в народдвигаемся.

— Задал задачку, но решать надо. Не успеем ведь за буржуями, — вздыхает Генсек. — У них ни войны ни разрухи не было.

— Неправильный дяденька подход. Не надо нам их догонять, — отбиваю подачу ретроградную. — Надо своим путём идти. Пусть они за нами гонятся. Как Китов с Овсепяном делают, нечего на запад оглядываться. Они привыкли всё у нас воровать, а потом нос задирать. Эйлера вон присвоили, Сикорского, Зворыкина. А всё потому что некоторые из-за своей лени и дальше пуза не видят ничего, вон как Никита Сергеевич.

— Ты уже и туда добрался, так и текущего раскритикуешь? — хмурится державный дед. — Не забывайся.

— Мне можно, должность позволяет, — нипочём мне угрозки.

— какая твоя должность? — недоумевает Ильич, кто назначил?

— Внук, моя должность, — отвечаю. — Я в семье самый важный человек.

— Хорошо устроился, — хмыкает Брежнев. — И ответственности ни какой.

— Давно знаю, да только ответственности побольше взрослых у нас внуков, — нас на

такое не возьмёшь. — До праздника то успеем поговорить со светлыми головами?

— Обязательно, двадцать восьмого и поговорим, — сверяется Ильич со склерозником.

Двадцать второго декабря мама с тетей Викой по магазинам погнали в свете моих бесед, а вечером Женьку нашего привезли. Он как дядю Лёню узрел так в осадок и выпал. Это нам почти привычно, а ему генсек за столом в новинку. Но прочухался быстро и подсказал про преподов кто в полупроводниках рубит. Тут и начал кагал формироваться. Женья меня согласился на презентации прикрыть.

Вспомнил что у них на кафедре калькулятор Sharp CS10A 1964 года очень популярен.

Назавтра Женья к нам в гостиницу приехал. Нам и все статьи Китова, Лебедева и Рамеева подвезли, ватман и прочее.

Работы до и более оказалось. Плакаты с блок — схемами и основными понятиями рисовали, макет немного усовершенствовали. Я все на Жене и отце обкатывал, чтобы и генсеку понятно было. Вечером нас на чай забрали.

На двадцать восьмое нам кабинет в Минрадиопроме выделили, вроде и по направлению и Китов тут свой. Развесили мы плакаты, где рядом где стопочкой чтобы не загромождать пространство. Ильич в маленькой комнате за стенкой устроился чаи гонять. Пригласили фигурантов, усадили за стол.

Женья важный такой, представился, меня как автора идеи представил. Я открыл перед взрослыми макет. Евсепян заулыбался, слово то знакомое. Лампочки включил. Китов спросить собрался, но я его остановил. Макет перевернул, нутро показал. Муляжи микросхем, памяти и КБС— Л с краешку. Тут докладчик вступил. Аббревиатуры расшифровал. Суть конструктива объяснил. Я между делом калькулятор включил. Китов сразу за него ухватился, проверил точность. По завершении презентации пошли вопросы.

Да тот ещё фрукт наш гость из солнечной Армении оказался. Своенравный куда там. Спорщик тот ещё. Но макет из рук не выпускал. Поплыл, а по потрохам прошлись вцепился что твой клещ. Почему так? Где это? Зачем-то? Пришлось и мне поучаствовать. Особо, когда про регистры, команды, программирование пошло. Он строчит и строчит. Предложения бросать начал. Где дельные. Которые тупиковые и устарелые. Которые дядя срезал, которые он и сам отвергал, сверяясь с макетом и своими записями.

Кетков на программирование налегает, а мы ему про Бейсик, мол нужно свой сделать, русский. Тут тоже много интересного получилось. У него только намеки, а я напирал, нечего раздумывать, как решили, так и делайте.

Начали наши обрабатываемые выдыхаться и тут выходит генсек. Немая сцена не хуже «Ревизора». Любит Леонид Ильич впечатление произвести.

— Здравствуйте, товарищи, пришло и мне время слово сказать, — с заходом начинает Ильич. — Вот мы тут Анатолий Иванович собрали студентов, дошкольников и решили вас на помощь позвать, как старших и опытных товарищей. Включитесь в работу?

— Помните значит Леонид Ильич, тот разговор? — хмыкает Китов. — запал?

— Обязательно, нельзя нам кадрами разбрасываться, время вот теряем порой, но думаю вы эти годы не простаивали теорией занимались. Пора и на практике применять. Согласны руководить таким проектом?

— Где? Под чьим руководством и в каком качестве? — Китов дяденька конкретный, не расплывается.

— Пока создадим отдел в Вашем министерстве, организация за Вами, — у генсека не забалуешь. — Присутствующие товарищи уже в вашем распоряжении. Но у младших

сотрудников особый статус, им ещё образование получать. Докладывать о результатах будете мне. Приказ получите на следующей неделе.

— Слушаюсь, товарищ генерал лейтенант, — вытягивается в струнку полковник.

— Вы товарищ Евсепян назначаетесь заместителем начальника лаборатории по конструированию аппаратного обеспечения, — продолжает нагружать Брежнев. — Да должность с понижением, но тут всё в ваших руках. До следующего праздника переезжайте в Москву. Устраивайте семью, жилплощадью вас обеспечим.

— Вы Юлий будете замом по разработке программного обеспечения и постановке задач, — следующий пошёл.

— Евгений, заканчивайте беседу, передавайте материалы вашему руководителю, — подытоживает куратор. — Сейчас подойдёт представитель первого отдела. Оформите всё и за работу.

А тридцать первого мы с мамой поехали на ёлку в Кремль.

Помпезно, ничего не скажешь. Но нужно. Мотивирует, честно. Проникся. Тут и дядя Вова Медведев с женой и дочерью, но так — то он за внуком генсека ещё закреплён. Праздник, хоть какое послабление.

Забавно, но хороводы не прикальвают, не по мне это. Стою с Трофимычем у стенки, за технику перетираем. Связь им нужна, жалится. Алтай конечно штука хорошая, но в карман не влезет. Поддакиваю что и гарнитуру поменьше надо и бронежилет под костюм и маячки на охраняемых лиц. А больше всего устав и инструкции. Чтобы даже Ильича приструнить можно, чтобы на рожон не лез и не форсил, как в море, например.

— Ну хватил, кто ж его, — поднимает палец вверх будущий генерал, притормозить сможет.

— Устав, в штатах президентам запрещено за руль садится, совсем, — продолжаю линию.

— Что-то ты совсем взрослые беседы начал, хороводы не водишь, — поглядывает на меня будущий генерал. — Отдыхай давай.

— Забочусь, привык, я бы лучше почитал, не умею хороводится, ноги обступаю всем.

— Ловлю на слове, — меня цепляют под мышку и несут к елке. — Воспользовался, сажает на плечо, читай говорит, для всех.

Владимир Орлов

Я узнал, что у меня

Есть огромная семья

И тропинка, и лесок

В поле каждый колосок

Речка, небо голубое

— Это все мое родное

Это Родина моя,

Всех люблю на свете я!

Ну чего попросили. Однако аплодисменты те ещё сорвал.

— О, можешь-таки и по возрасту, — улыбается охранник.

— Нет, это не возрастное, это от души, — навсегда.

— Согласен, вот и надо Родину беречь и Его в том числе.

Вот так я попал в телевизор, а Медведев нагоняй получил от руководства и благодарность от Виктории Петровны. А потом мы встречали Новый год. Под куранты, нам

с Андреем лимонад. Меня опять стих поставили читать. Ну а я вернул, неплохо мол Генсеку всю страну по телевизору поздравить. Внимание народу штука не лишняя.

— А где ж ты раньше был? — хмурится Ильич. — Где за всем успеть?

— Так я ж не секретарь Политбюро, — отбиваюсь, да и не спрашивали меня.

— Тебя и спрашивать не надо, — отбивает матушка, только разговор заведи и посыплется.

А Ильич на прибаутки острее реагирует. На слабо тоже оригинально берётся. Если заинтересовался, то уже не сворачивает. Если сам дошёл что не прав и извинится может. Особенно в узком кругу. Но не с соратниками по партии. Трудно ему в той шобле, а помочь некому. Не на кого опереться. Либо подхалимы, либо свое втихую норовят провернуть. Он хоть и не гигант мысли, но игры лилипутов в песочнице его подбешивают, тем более песок то с этих персонажей и насыпался.

Вот его и построили наш дом. Завтра идем принимать. Во время стройки мы конечно туда ходили и даже договорились кое-что переделать. Расплачивались естественно универсальной российской валютой. И очень вовремя получается, к осени обживемся. Сестренку мы уже из Сочи привезли. Скоро будет готова, в октябре буквально. Но пока это секрет. Бабушки конечно знают, по приметам, по опыту. Ну что девочка и когда.

Комнаты светлые, в каждой окно, а в большой зале, как мама говорит — два. Папке кабинет, бабушке комната, ей несподручно наверх бегать. Из прихожей лестница в мансарду. Тут это не модно, но я доказал и настоял. Климат позволяет, площадь увеличилась, утеплитель есть. Еще пара семей приняли идею на вооружение, подсуетились в том же ключе, мол из ГСКБ ничего плохого не выйдет. Отопление централизованное, но у нас ещё газовый котел в пристройке. Автоматику Женя смастерил, даже бесперебойник с автоаккумулятором по моей подсказке сделали. Заявку на прообразец подали, не одни с отоплением будем. Уже на Точмаш идейку закинули. Наверху родительская спальня и нам с дядькой, теткой по комнате. Мы всех к себе звали, но баЛюба не хочет переезжать. Как я без подружек, Тамара с работой. Не уговорили, в нашей фатере жить согласилась. Тяжело уже в бараке.

Ну что я все отвлекаюсь, у нас же еще баня и гараж с мастерской воротами в улицу и к дому примыкает. Пригород, земли нарезали по 15 соток. От объездной дороги до водохранилища новая улица. В прошлом году плотина протекла, теперь ремонтировать надо, но пока никто не чешется. Хозяйки уже палисадники осваивают. Заборчики типовые, строители поставили, но все уже что-то свое вносят и красят кому как приятнее.

У нас тоже выпендрёж. Саженцы абрикосов, персиков и алычи, нам из Сочи прислали. БабНастя сказала, что будет пробовать. Наше дело посадить. Отец ямки копает, я перегной подсыпаю. Потом воду ношу, уже согрелась в корыте. Нагреватель на крыше гаража позже сделаем.

Вовка с дедом приходили. Я им экскурсию провел.

— Да, Слава, с размахом, — хмыкает в усы большой инженер.

— Так семья же Филипыч, гнездо. Чтобы место было для всех и каждого. Хотя главный застрельщик не я, младший всех взбутетенил. Как говорит дяде комнаты не будет? А на каникулы к маме приехать, да и диплом не за горами. Пока своим домом обзаведётся.

— И в гараж значит не через улицу? — чтобы не морозится?

— Тут скорее другое, мастерская важнее, — отвечает отец. — И машина в тепле и сухости.

— Не хватает на работе куда руки приложить? — улыбается начальник. — Можем догрузить.

— То больше не мне, детям, — Шурину мотоцикл в порядок привести тоже чтобы было где. О пойдём-ка его работу покажу. Ну это надолго, и мы сбежали в мою комнату.

Всё моему другу понравилось и кровать на втором ярусе, кушетка внизу и шкафы под всё. А особенно стол у окна, регулирующийся по наклону и большая лампа дневного света. Мне чертить, а Вовке рисовать тоже такое неплохо бы. Ну я ему чертежи отдал, сделают. Мама позвала нас чай пить. Я во все комнаты телефоны провел, а в кухне коммутатор. В гараже еще и громкая связь, чтобы грязными руками не лапать аппарат. Когда городской

телефон проведут и его подключим, можно сразу переключать на нужного абонента. Это я после чая гостям пояснял. Про подъемные ворота мы уже тоже подумали, но это не к спеху, машины ещё нет. Денежка на дом и мебель ушла. Если бы всё готовое покупать, еще и кредит бы пришлось брать. Но нет многого в продаже. Ни столов, ни кроватей двухуровневых. Да и нормальную деревянную двуспальную за разумные деньги не купить. Ну инженеры мы или как? Мастерская у нас еще на стадии отделки начала работать. Сначала как столярная. И кое какие новшества начали применять, тот же шуруповерт, с трещоткой от списанного гайковерта для мебели очень дельный инструмент. Как вообще мы тут без всего этого обходимся. Плотники душу готовы продать за такую радость. Готовим чертежи для инструментального производства. Ещё бы электромоторный раскорепался на магниты перейти в движочках постоянного тока, тогда...

Опять же занавески, покрывала и прочая и прочая составные части домашнего уюта. На завтра у нас яблони, сливы, вишня и прочие малины — смородины. Участок мы распланировали, грядки нарезали, дорожки разметили. Как всё докопаем, рассадим так и красоту будем наводить. Картошки тоже грядка запланирована, но не много. Чай здесь нам поросят заводить не надо, да и не кузяво в таком-то соседстве. Вот про кур мама подумывает, но это не к спеху. Да и бабушка еще окончательно не решила.

Женя сдал сессию, работы в лаборатории много, но у него опыта и знаний для того еще маловато. Мы же привлеченные сотрудники, под ногами не мешаемся. Большие головы пока концепции отрабатывают. Овсепян с макетом не расстается. Вертит и так, и эдак. Новый уже делают. Батарейку пока убрали, блок питания импульсный сделали. Текстовку между стеклами менять можно. Но это всё партизанщина. Пора уже Азрикана привлекать, хотя у него тоже тараканы буйные, но забавные. Думаю, сделает красиво и функционально, дизайнер всё — таки.

Дядька комнату обживает, отлаживает автоматику отопительной системы. Яву свою обиходил по высшему разряду. Скоро Явовский сходим на овраге. По утрам бежим на рыбалку. Как клёв заканчивается, купаемся. После завтрака если нам задач не нарезали снова к воде. Классные каникулы.

— Племяш, а твой арифмометр схемы рассчитать сможет, — поддевает Женя.

— Для того и задуман, — мне не в первой, перед Генсеком не стусевался.

— Большим дядькам ты другое втирал, — наезжает дядька.

— Каждый слышит только то что хочет, — мне это как вздохнуть. — А если вопрос грамотно поставить, много чего ответить можно.

— Типа, хороший вопрос, половина ответа?

— Сле́ту подсекаешь, — подмасливаю собеседника. — А большие дядьки они же у нас полковники да генералы. Помнишь, что про них говорят?

— Это которые готовятся к прошлой войне?

— Они самые, — вздыхаю. — Вот только войны будут совсем другие. Ну да ты ещё увидишь, нам еще жить да радоваться.

— Ладно, мутный оракул, с темы не съезжай.

— Слухаюсь, товарищ заказчик. Тут нам надо к Кеткову подъехать, но не с кондачка, а с грамотным техзаданием. Вот он язык программирования допилит, тогда и так кое-что сами наковыряем. Статьи для кругозора новые писать будем и в журнале Радио рубрику заведем. Но это когда набольший енерал разрешит. А компьютер не только считать, он рисовать схемы научится ну и просчитывать и сигнал прогонять сможет. Платы чертить, а потом и конвейером управлять. Но не сразу. Так что вечером и начнем сочинять. А после каникул врежем по вычислительной целине, плугом радиотехники. Прикинь как Китов с Овсепяном в тебя вцепятся? Заставить машину саму себя воспроизводить и модифицировать? Сюжет?

— До Уэлса и Чапека не допрыгаемся?

— Фантастики перечитал, да не той. Ты Стругацких читай, Ефремова, Казанцева с Беляевым. Нашим надо верить, своим, советским. Ты представляешь какая должна быть машина, чтобы догнать человека. Опять же программы люди пишут. Хотя люди тоже те ещё фрукты. Но это позже. Это мы, когда вот теми настольными вычислителями персонально пользоваться сможем. Лет через пять — шесть, вот тогда напишем страшилку, а Вовчик нам её проиллюстрирует. Привет, Вов, сделаешь?

— Здорово парни, а как два пальца об асфальт, — хохочет друг. — Чего там делов.

— Ох и шустрые вы малыши, — радуется дядя. — Всё у вас с пинка да по маслу.

— Так кроме нас никто не почешется у взрослых и мысли нет про будущее, а нам в нем жить. Думаешь дядь Женя мой дед сможет чем-то похитрее кульмана и логарифмической

линейки управляться, да без нервов?

— Ну какой я тебе дядя, вон Олежке и то чисто номинальный, — отмахивается Женя.

— Не скажи в три с лишним раза старше, — поправляет Вовка.

— Фигня всё это, — Жене не впервой разьяснять и я это тоже уже понял. — С человеком надо общаться по уровню его знаний и интеллекта. Так нам товарищ Китов говорит, наш вон с ним начальник. Прикинь, ему пятьдесят, мне двадцать, корешу твоему через два месяца шесть.

— Мой дед так же считает, но скидку на опыт делает, — подтверждает Володя.

— Вот потому вы такие и растёте, что нам догонять приходится, — радуется дядя.

— Твои бы слова Женя, да Генсеку в уши, — мечтательно влезаю я. — У меня ещё не выходит ему такое втулить.

— Комууу? — делает круглые глаза мой кореш. — Брежневу?

— Ему, Леониду Ильичу. Кто тут думаешь с нами валяется на песочке? — поддевает Женя. — Лепший кореш дяди Лени и тети Вики. Видел бы как ему пирожков подкидывали, родным внукам не досталось.

Вовка в шоке, мы ржем.

— Не парься, они нормальные, почти как твои старики, а внуки привередничают. С серебряной ложечкой во рту родились. Мы же не такие, мы понимаем, что жизнь — борьба и задаром кормить долго не будут. Вот тебе если сказано клубнику полить, что? Пойдешь обедать если ещё не закончил?

— Что я лентяй по-твоему? Не пойду пока всё не доделаю.

— Вот, а Андрюша Брежнев может и домашнее задание не сделать и ему даже пальчиком никто кроме деда не погрозит. А деду за всей страной присматривать надо, успеет он за внуком? То-то. Эх во что это всё выльется?

— Это вы с дедом прошлой осенью про шестидневную войну диспут устроили, — теперь у дяди круглые глаза и челюсть пора ловить.

— Племящ, а отцова начальника ты тоже строишь? — недоумевают Женя.

— Не, мы с папкой ему анекдоты рассказываем, ну и работу сдаем, — отбиваюсь, чтобы дальше не пытали.

— Дифференцированно значит подходишь?

— Ну а как вот же давеча говорили кому что слышится.

— Володя, а тебе как все эти абракадабры? Уши не режут?

— Не Жень, ты к нам зайди. Послушай, как мой папка дед логарифмами кроет, а мама интегрирует их влет, пока бабушка не слышит. У бабушки то всё проще. Зятю лопату, мужу ведра и лейку, дочери полоть от сюда и до заката. А иначе сапиенсы на ужин и не кажитесь.

— Это по-нашему, по рабоче-крестьянски. С моей матушкой с одних нот распеваются.

Тут уже мы с другом покатываемся. И действительно нет возрастных нестыковок. Все всё понимают и Вовке по-честному шесть, как и мне, но окружение у нас такое что любо дорого. Никто нас в знаниях не ограничивает и несмышленьшими не считает. Нам то скоро в школу, а там сначала палочки — крючочки. А нам то каково? У нас вся детсадовская группа читает и уже не по слогам. Большая часть пишет чисто и понятно. Ну может я исключение, если медленно, то коряво, если быстро на чертежный шрифт перехожу, тут уже читаемо. Рисуют все неплохо, не палка — палка, огуречек, ноты осваиваем. Если арифметику подтянуть, то и в четвертый класс можно. Природоведение и история тоже на слуху. Потому как есть интересующиеся, они всех и тянут. Как я с физикой — механикой, Вовка с

биологией — анатомией. Надо нам отцов — дедов напрячь инициативой, четырёхлетку за год закрыть.

25.1969 август

Ну вот и ещё лето к концу. БабНастю с Валею перевозим. Родители выписали грузовик на заводе. Водителем у нас Михалыч, давешний знакомец. Едем бабушек переселять. БаЛюбу с Тamarой из барака загрузить часа не надо. Хозяйство не велико, а шкаф и комод подружкам раздали. БабНасте немного больше возни, там ещё и наше кое — что дожидается. Та же кровать моя. Тут и Женя подкатил как договаривались. Быстренько всё загрузили. Проводины, новоселье малым порядком устроили. Бабушка с Валею и со мной в кабине. Мужики на моцике вперед укатили, к приему готовиться. Я за штурмана. Мы же другой улицей едем.

— Легкие вы на подъем, веселое семейство.

— Да ну, Сережа, скажешь — отмахивается БабНастя.

— Я вот этого воробья с котомкой два года назад подвозил до общежития. А теперь у Вас дом аж во Владимире.

— Дядька Михалыч, ну сам посуди. Мамка с папкой на работе, Вале в школу, Женька считай отрезанный ломоть.

— Эка ты заговорил.

Валя впервые в доме, сюрприз ей, целая комната. Мама на стол собирает. Бабушка свою комнату осваивает. Мы как муравьи всё в дом тащим, благо мебель вся на местах. Уфф, снова застолье небольшое, но с самоваром. У нас сегодня ещё событие, баню первый раз топим. Всем пару хватит. Сперва женщины. Маме особого пару и не надо, они с Валею быстренько отстрелялись. Бабушка косточки поболее прогрела. Печка у нас с предбанника топится. Папка кочегарит потихоньку. Вот и мы втроем пошли. Еще жару набавили. Взрослые давай поддавать наперегонки. На третий полк забрались. Мне и внизу уже жарко. Сижу, обтекаю. Чувствую надо охолонуться. Втихую плеснул кипятка на каменку и бежать. Выскочил в предбанник и дверь прихлопнул. Слышу матерятся, но не зло их такой мелочью не проймешь. Да, пора самовар и в бане заводить, чего отвлекаться.

Сидим чистеньки, помытеньки в просторной чистой кухне нового дома. Хорошо и хорошо весьма. Новоселы разошлись свои комнаты обживать. Спокойной ночи. В понедельник идем младшую тётку в артистки записывать в драмкружок, значит.

У бати авторских свидетельств, изобретений, прообразцов накопилось. Свое руководство расщедрилось, и смежники расстарались. Заслали его на съезд ВОИР. Я с ним прицепом. Электричка не перегрузится, однако. На Курском нас уже знакомая Волга ждёт.

— растешь, воробей, скоро до щегла дотянешь, подкидывает меня дядя Вова. Обнимаются с отцом, обмениваются свежими байками и хохочут. Заезжаем, регаем батю на сходку. У него оказывается доклад. Я-то подумал так, для галочки, ан нет все по-взрослому «Разработка и производство сложных товаров народного потребления в смежных отраслях промышленности». Любят у нас завернуть, ладно ещё без аббревиатур.

На Кутузовском нас ждала тетя Вика. Посетовала что с Шурочкой не повидалась. Я конечно разъяснил что почему и связал их по телефону. Сперва отчитался как у нас дела. За что оказался на коленях первой дамы СССР. Естественно и в разговор лез по праву и обязанности. Про пользу морского воздуха для беременных тоже пяточок закинул. Опять же декрет и прочая, прочая. Ну а тут и хозяин приехал. Почеломкались как он любит. Меня за ремень поднял, как дядя Ваня. Такой у партработников тренд в обращении с подрастающим поколением.

— Растешь значит? — ухмыляется генсек, набираешься.

— Стараюсь дядь Лень, — и тапочки подпихиваю.

— Ага, должность внукову справляешь, — меня опускают на пол и разглядывают внимательнее.

— Так точно, товарищ генеральный секретарь, — рапортую вытягиваясь по стойке «смирно».

— Чай пили? — и я попью, а вы рассказывайте. — Как что, почему?

Расклад мы выдали и про дом и воссоединение семьи, и багя про работу отбарабанил и про мероприятие.

— Викусь, дело ведь большое с домом то, — делает брови домиком Ильич.

— Поддержать надо такое начинание., — не задерживается с ответом первая дама Союза.

— Дам команду чтобы заводские и городские подготовили предложения, там посмотрим куда озвучить.

— Масштабный ты у нас Лёня, государственный, — хмыкает тётя Вика. А давай ка адресно поработаем. У молодой семьи пополнение намечается. Надо бы мамочку оздоровить.

— Слава, не хорошо, — хмурится Хозяин и пальцем грозит папке.

— Дядя Лёня, вы же помните, ну я про скромность, — вступаюсь за родителя.

— Не нужны мужику украшения? — правильно мыслишь, молодая поросль. Ну это товарищ генеральный секретарь решить сможет.

— Позвоню, пусть Шурочка соберется?

— Завтра. Закажу машину, всё определим и позвонишь. Мероприятие у Славы тоже нужное и отпуск ему оформить дам команду. А ты молодец, на работу покажешься?

— Обязательно, товарищ куратор, — вытягиваюсь по стойке смирно и преданно ем глазами большое начальство.

— Петровские штучки тоже знаешь? — хмыкает дедуля.

— Так точно и малый флотский загиб в том числе.

Генсек поперхнулся, прокашлялся и заржал аки тот мерин. Тетя Вика явно не в курсе. Отец грозит кулаком, мол допрыгался.

— Ладно строгий батяка, — отсмеялся Брежнев. Воспитывать надо пока поперек лавки лежит, теперь только править. Загрузим работой дурь то и выветрится. Отправим в лабораторию. Завтра позвоню Тяжельникову. Кто там у него по техническому творчеству.

На съезд меня тоже взяли. Теперь у меня свой значок и корочка к нему. Я у отца в соавторах записан. А он заслуженный изобретатель и рационализатор. Не многих на этом съезде награждали.

Я конечно начальству показался, впечатление обновил. Нормальные дядьки и так не кривились что с мальцом общаются, а тут и сверху поддержан. Особо мы с Кетковым по программированию прошлись. Я же в прошлом— будущем как в кодах наигрался по его книжкам учился, много полезного перенял.

А тут и маму мне привезли. Виктория Петровна с Галиной, как только не обихаживали, ну тётки что с них взять, дай потетёшкаться. Мы в первопрестольной ещё неделю прожили.

Классный самолёт ИЛ 62, особенно который Номер Один. Бизнес класс две тысячи десятых и рядом не стоял. Вот на нем мы и полетели в Крым. И скажите почему мы на Боингах летаем? А ведь они практически из российского сырья строятся.

Ореанда. Дача Брежнева в Крыму. Нам отдали комнату на первом этаже. Там обычно Андрей жил и потом тоже. Галина с дочкой Викой приехала на выходные, учебный год. Она оказывается с цирком профестивалила и чуть не в девять в школу пошла. И сейчас прогуливает. Ну у нее дед есть, но ему некогда, а мать с бабушкой не надышатся. Ой внученька то, солнышко се. Тьфу училась бы лучше. Ладно бабка не дожила не видела, как внучечка мамочку в психушку сдала.

Хорошо здесь, лучше, чем в Сочи. Дача, не санаторий. Генсеку тоже глянется. Он потом в Сочи только в конце семидесятых отдыхал, да и то больше лечился. Ходить было тяжело. Ему лифт построили и выход к морю чтобы на коляске ездить. В прошлом будущем мы, когда там отдыхали младший любил этой дорогой бегать. А тут к морю по лесенке спускаться нужно. Вода здесь живая, чистая, прозрачная. Никто кроме нас ее не баламутит. Персонал и охрана отдельно купается. У них за мыском пляж. Я и там и там свой. Совершенствуюсь. Когда Медведев свободен они с папкой на пару заплывы устраивают. Потом ныряют и я тоже. У меня уже не плохо получается, но метра три и уши закладывает. Ругаются на меня, но не запрещают. Страхуют конечно, как иначе научишься.

— Эх жаль нам своих брать нельзя, — сокрушается Трофимыч, — от службы отвлекают. Да и охраняемые лица, те ещё.

— Не обращался к командиру с предложением, — спрашивает отец.

— А толку? — Ильича не убедишь. Хоть бы за руль не садился. А какая говорит разница, все там будем.

Это мы уже на бережку греемся. Губы у меня посинели. Зуб на зуб не попадает. Вот меня и выдернули как репку. У Медведева рука крепкая и длинная.

— Я тут к 412му присматриваюсь, — продолжает тему отец. Так на него ремни безопасности с завода пойдут с нынешнего года.

— Хорошая машина, соглашается охранник, но нам не пойдет, маловат и слабоват.

— Да, — влезаю, — я бы Рено взял, но у нас не продают. Фиат хлипковат по нашим дорогам. Но ремня мало. Надо еще подушки безопасности.

— Объясняй, — требуют отцы.

— Проще простого, мешок из парашютного шелка закладываем в рулевое и в панель перед пассажиром. При резкой остановке авто срабатывает датчик и пиропатрон разворачивает эту радость чтобы башкой не влететь. Японцы уже делают и Форд заинтересовался.

— Ильича уговорим? — Подхватывает Медведев.

— Как два пальца, — отвечаю. Но ему лучше показать.

— Как с фанерной ЭВМ? — замечает охранник.

— Толк же есть, — он любит как для четвёртого класса. Так и сделать.

— И откуда у тебя, — мне стучат указательным по лбу, это всё берется?

— Из книг, газет и журналов, — Товарищи оценили.

— В смысле? — ломает бровь будущий генерал Володя.

— На съезде ВОИР значок получил как мой соавтор, — рекламирует с гордостью отец.

— Не зря значит самородком подписывался? — треплет меня по макушке охранник. Ну давай пальцы загибай, что нужно?

— Мешок из шелка пошить полметра на полметра. Баллончиков для сифона и вот такую фиговину, черчу мокрым пальцем на камне спусковой механизм.

— На машину поставим? — разглядывает дядя Вова эскиз.

— Не, рано, так испытаем, да вот хоть на арбузе.

Презентация прошла как по нотам. Генсек впечатлился. Арбуз брошенный на подушку с метровой высоты не пострадал, а упавший рядом разлетелся как простреленный.

— Да видал я как человеческая голова от пули... Так неугомонное семейство, всё оформить, в понедельник перешлём по службе, к зиме такая штука очень может пригодится, командует генсек.

Циркачка опять номера откалывает. Отвязала лодку, куда охрана смотрит? Мало ей, давай по бортику как по канату ходить и еще кричит, меня подначивает. Лодка конечно тяжеленная, но и эта орясина та еще. Я по берегу бегу, чтобы плыть поближе, добежал. Кричу охранникам. Не видать никого. Вика давай еще больше кренделя выкидывать. Оступилась. Соскользнула и о борт головой треснулась. Ору и бросаюсь в воду. Хорошо она тут прозрачная. Отталкиваюсь от лодки и в глубь. Хватаю за косу и тяну что есть мочи. Оно конечно в воде легче, вот только вес чуть не вдвое больший и инерция. В легких уже жжет немилосердно. Ноги не тянут и одной рукой уже не гребется. В воду влетают торпедами охранники. Девочку выдергивают. Я отцепляюсь и отрубаясь. На последнем просвете сознания засекаю как отец подхватывает меня на руки.

Ну можно и отключиться. Ан нет, сознание вылетает вовне, и я все вижу со стороны. Папка выныривает, отплеывается. Я вишу тряпочкой у него на предплечьях. Подбегает дядя Вова Медведев и начинается.

— Рядовой Корольков, — доносится до меня.

— Я.

— Отставить панику. К реанимации пострадавшего приступить

— Есть.

— Мечевидный отросток определить. На палец выше удар, непрямой массаж сердца, начать.

Раз, два, три, четыре. Вдох. Раз, два, три, четыре. Вдох.

Отец давит, охранник вдывает в меня воздух. Дыхалка у него будь здоров. Вот и буду.

Раз, два, три, четыре. Вдох. Раз, два, три, четыре. Вдох.

Удар.

Раз, два, три, четыре. Вдох. Уфф.

— На колени перекидывай, чтобы не захлебнулся.

Рядом пара охранников так же откачивает зачинщицу «торжества».

— Дежурный, воды, бегом.

Будем жить. Сознание как— то расщепляется. Смотрю в небо и радуюсь. Всё будет хорошо.

Что-то я заспался, но и просыпаться не хочется. А оно мне надо? Или я куда — то тороплюсь? Тепло и мухи не кусают. Глаза открывать лень и почему-то тяжело, хотя вроде ничего не болит. Теплое пятно на щеке. Солнечный зайчик? Указательный на правой руке, какой-то дискомфорт. Прищепка?

Приоткрываю глаза. Больничная палата. Пластиковое окно. Чисто, довольно много места, соседей нет. Светодиодные лампы приятного оттенка, полузакрытые жалюзи. Попискивание приборов. Странный дизайн монитора.

Непривычный шильдик. «Эльбрус».

«Эльбрус»??? Не «GE» не «Sony» не «Philips». «ЭЛЬБРУС», охренеть. На тумбочк просыпается планшет. «Наири — Б5-18» на верхней узкой рамке.

Экран ожил.

2018 25 августа. 06:25.

И начинает звенеть будильник. Так и прыгает по экрану и молоточком по чашечкам наяривает. Мультяшный такой, задорный. Ну и кого тут будят? Смачно спит. Как бы выключить это дрыгало? Далеко не дотянуться, слабость во всем теле. Просыпается, потягивается, открывает глаза.

— Папка, урра, очнулся. Как ты?

Пытаюсь отвечать, но пока никак. Прикрываю глаза, хорошо мол. Пытаюсь изобразить глотание.

— Пить хочешь? Сек.

Странная кружка с ручкой — носиком, какие раньше в Минводах были. Пью и понимаю, что память какая-то странная. Не был я в Минводах, а ощущения от поильника за то, что был.

— Норм? Ещё нужно? — не сводит с меня взгляда дочь.

— Нет, — качаю головой. — Слабо шепчу, спасибо.

Дочь достает мобилку, Мам, папка очнулся. Да водички попил, хорошо сейчас позову, нажимает приметную кнопку.

В палату заглядывает медсестра. Улыбается, здоровается. Проверяет приборы. Делает пометки в своем планшете и явно отправляет их кому-то.

Однако я утомился, закрываю глаза и засыпаю. Просыпаюсь, день в разгаре на кушетке лежит младший и явно игрушку на смарте гоняет. — привет? Как дел? Спать будешь?

— Нет, — качаю головой. Встаёт открывает дверь. Целая делегация. Отец, седой как лунь с палочкой, мама, жена и трое моих.

Получаю подзатыльник от отца, — Чего пугаешь мать? Делать ей нечего как к тебе мотаться?

— А тебе полторы тысячи километров не крюк? — радуюсь, шепчу как могу.

— У меня тут дела на заводе и проведать кой кого надо, которые вконец обленились.

— Па, не всем в восемьдесят с хвостиком скакать по стране, — голос у меня прорезается потихоньку.

— Сиднем сидеть, мхом обрастать что ли? — улыбается отец.

— А как сопротивлялся во Владимир ехать, — подначиваю потихоньку.

— Эка, вспомнил, цену набиваешь?

— Сам себя не похвалишь, никто и не заметит.

— Да уж, Ильич всегда взхлёб хохотал с твоих шуточек.

— Какой, такой Ильич? — встревает младший.

— Да Брежнев, папка твой, младше Андреевой Аришки был. Захороводил генсека, на велосипед усадил и тренера по плаванию ему приставил. Пашу Буре знаешь! Вот его отец так тренерскую карьеру и начал с дошкольников и генерального секретаря. Скоро полвека будет тем делам. Ну что, наследник? Мемуарами, когда займешься?

— А надо?

— Так тебя с койки недели две не выпустят, чего время терять.

— Не, пусть профи пишут. Сказки должны сказочники писать.

— Бать, встряет старший, а и правда, наврут ведь.

— А я что ангел — правдуроб? Да и мелкий совсем был.

— Интересно же почитать, настаивают все трое.

— Ну вот вам и вычитывать, только чур самый грамотей первым.

— Ну подумаешь, ба, скажи у меня грамотность повысилась?

— Словарь у тебя в планшете последней версии и то папка установил, — поддевает Юлька.

А мама молчит и тихонько слезу промокает. Главное всё хорошо.

Хотя и не вся семья в сборе. Это теперь не часто случается. Разве что осенью, в Крыму.

Больше книг на сайте - Knigoed.net